SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Ростислав Иванович Сементковский
  -
  - Вступление
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Ростислав Иванович Сементковский Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк Р. И. Сементковского

С портретом Кантемира, гравированным в Лейпциге Геданом

Вступление

Заслуги князя Антиоха Дмитриевича Кантемира не только перед родным словом, но и перед родиной очень значительны. Кантемир был первым русским писателем в современном значении этого слова, – и каким писателем! Он сразу сообщил ясность и определенность всей нашей литературе, с необычайной точностью указал и основное ее направление, и основные ее задачи. «По мне, – говорил еще Белинский, – нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира». Белинский во время столь непродолжительного, к сожалению, литературного своего поприща вначале колебался относительно истинного значения Кантемировых сатир. Но незадолго до смерти он написал критический разбор сочинений Кантемира, в котором, уже не колеблясь, провозгласил нашего первого сатирика родоначальником всей новой русской литературы и с пафосом, столь родственным его возвышенной душе, говорил о радости, которую испытал бы Петр Великий, если бы ему довелось прочесть Кантемировы сатиры. И действительно, радость эта была бы велика, потому что никто из русских литераторов первой половины XVIII века не дал такого отчетливого и красноречивого выражения основному настроению, видам и задачам великого царя-преобразователя, как именно Кантемир. Недаром Белинский в конце своей литературной деятельности писал о Кантемире: «Этот человек по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью, тогда как сам Ломоносов только развел их надолго». Петр работал только для жизни: он был практиком в лучшем значении этого слова, и тем же практическим духом проникнуты и Кантемировы сатиры. Если в них можно искать поэзии, то только той, которая в метком и образном сопоставлении ищет силу для бичевания порока, и порок этот, против которого направлены стрелы первого нашего сатирика, только отчасти общечеловеческий, но главным образом присущ данной среде, данному народу. Просто изумляешься, как двадцатилетний молодой человек мог с таким глубоким проникновением усвоить себе дух русского языка, понять слабости и недостатки современного ему русского общества и с такой силой, но вместе и с такой любовью отметить их. И в какое время это было им сделано: в эпоху расцвета лжеклассицизма, когда даже такой сильный ум, каким был Ломоносов, всецело ему подчинился и витал в «заоблачных превыспренностях по случаю плошечных иллюминаций», забывая «о живой действительности…, о правах общества». Кантемир ни на миг в

течение всей своей деятельности не забывал о живой действительности: он, собственно, жил только для нее и даже вдали от приемного своего отечества, вдали от России, думал только о том, как бы ей служить, как бы искоренить в ней путем злой насмешки или распространения просвещения те пороки, которые так глубоко печалили его отзывчивую и любящую душу.

Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу, —

писал уже Кантемир: он был родоначальником гоголевского «смеха сквозь слезы», он сильной рукой указал русской литературе то направление, которое так пышно расцвело в лице Фонвизина, Гоголя, Салтыкова и которое составляет основную ноту русской поэзии, ее преобладающее настроение. Он первый указал на долг гражданина, подавая в этом отношении пример. «Все, что я пишу, – таковы его слова, – пишу по должности гражданина». Таким же было у него не только слово, но и дело. В смутное время, наступившее после смерти Петра, в те тяжелые годы, когда произвол достиг небывалых размеров, когда даже сильные дрожали, постоянно опасаясь за свое имущество и жизнь, он гнушался пользоваться оружием, которое его враги пускали в ход против него, и как он призывал подвластных исполнять долг гражданина, так он говорил сильным мира сего:

Чист быть должен, кто туды, не побледнев, всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.

Да, Кантемир был, несомненно, первым нашим поэтом-гражданином, и народился он в такое время, когда, казалось, смешно было и говорить о гражданских чувствах. Тем больше ему чести; тем менее простительно нам забывать об этом выдающемся труженике на литературном поприще.

Но много ли нами сделано для уяснения себе истинного значения Кантемира? Стоит взять любой учебник по истории русской словесности, чтобы убедиться, как смутны еще, даже среди специалистов, взгляды на первого русского сатирика. Такой признанный авторитет, как покойный Галахов, повторяя первоначальное суждение Белинского, совершенно им отвергнутое впоследствии, заявляет учащейся молодежи, что «низшие слои разных сословий и званий оставались для Кантемира в стороне, не знаемые им и не возбуждавшие к себе внимания», что Посошков и Татищев как истые русские могли любить наш народ и не обвинять безусловно разных его сословий, но что Кантемира Тредьяковский «имел право назвать

чужестранным человеком», не понимавшим духа русского языка. В том же смысле высказывается и Порфирьев в своем обширном учебнике истории русской словесности, составленном сравнительно недавно. И это говорится о писателе, если не родившемся, то с двухлетнего возраста жившем в России, преданном ей телом и душою, думавшем и заботившемся только о ней, усвоившем себе дух русского языка в таком совершенстве, что его стихи тотчас же превратились в расхожие выражения, в поговорки, которые были в восемнадцатом веке у всех на устах, подобно тому, как в девятнадцатом даже люди, плохо знакомые с грибоедовским «Горе от ума», постоянно его цитируют. Такие выражения, как «светлый ум», «чистая девица», «чуткое ухо», «зоркий глаз» и т. д., по верному замечанию одного критика, впервые были введены Кантемиром в литературный язык, – так чутко он сам прислушивался к народной речи и понимал, в чем ее сила и прелесть. Называть Кантемира, изгонявшего впервые иностранные слова из литературной речи в такое время, когда другие писатели щеголяли ими, осмелившегося впервые, по меткому выражению Батюшкова, «писать в России так, как говорят», называть Кантемира, всю свою душу положившего на служение русскому народу, иностранцем, упрекать его за то, что он неумолимою рукою раскрывал пороки современного ему общества, объяснять это иноземным его происхождением, а не глубокой любовью к России, – это представляется нам столь же кощунственным, как упрекать Гоголя в его малороссийском происхождении за то, что он сквозь жгучие слезы осмеял русское общество.

Но как бы то ни было, Кантемир причислен к нашим классикам. Ни пренебрежительный суд знаменитого в свое время литературного критика Полевого, категорически заявившего, что Кантемировы сатиры – «не громкий и звучный голос сильной души, негодующий на порок своего века, но мелкая насмешка над смешным» и что сатиры Кантемира «как поэтические создания, как самобытные русские произведения не имеют никакого права на наше внимание», ни колебания Белинского, первоначально писавшего, что Кантемир «был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений», что он поэтому «забыт», – не повредили в конце концов громкой славе нашего первого сатирика. Но, может быть, именно в этих приговорах выдающихся наших критиков, в неустановившемся на него взгляде следует искать причины почти младенческого состояния литературы, посвященной первому нашему писателю. Что касается оценки его произведений, то лучшей и самой полной все еще остается статья Дудышкина, помещенная в

«Современнике» без малого полвека тому назад. Дудышкин не смутился отрицательным судом Полевого, не смутился и колебаниями Белинского и с большой силой аргументации доказал, что Кантемир «первый в литературном мире обратился к русскому обществу и искал в нем предмета для стихотворства», что «он же первый открыто, неподдельно начал сатирическую нашу литературу», что «он… был человек…, сознававший потребности России и благородно действовавший на открытом ему поприще, сколько позволяли силы». Кроме того, Дудышкин выяснил, что в Кантемировых сатирах составляет подражание Горацию, Ювеналу, Буало и что в них есть оригинального; он выяснил и всю несостоятельность мнения Полевого, будто бы Кантемировы сатиры представляют собой только «мозаику, составленную на досуге умным человеком» и, кроме плохого подражания хорошим образцам, ничего в себе не содержат; он выяснил истинное значение Кантемира, блестяще подтвердил мнение Жуковского, что «по языку и стопосложению наш сатирик должен быть причислен к стихотворцам старинным, но что по искусству он принадлежит к новейшим и самым образованным». Однако статья Дудышкина появилась, как я уже отметил, почти полвека тому назад; с тех пор собраны материалы для более полной оценки Кантемира, а между тем эта статья до сих пор является лучшей и почти единственной. Ни по достоинствам, ни по объему она до сих пор в нашей литературе не нашла себе равной. Что касается биографических работ, то они более полны, но общей обстоятельной биографии Кантемир все еще не дождался. Лучшими биографическими очерками остаются: биография аббата Венутти, составленная в конце сороковых годов XVIII столетия, т. е. тотчас после смерти писателя, и приложенная к французскому переводу его сатир, и затем очерк покойного Стоюнина, составляющий предисловие к глазуновскому изданию сочинений Кантемира, появившемуся в 1867–1868 гг. Монографий, касающихся отдельных периодов жизни и деятельности Кантемира, больше. Но и тут серьезного внимания заслуживают, собственно, только работы Стоюнина: «Князь Антиох Кантемир в Лондоне» («Вестник Европы», 1867 г., тт. I и II) и «Князь Антиох Кантемир в Париже» («Вестник Европы», 1880 г., тт. IV и V). Кроме того, за последнее время вышли две монографии, из которых одна значительно дополняет наши сведения о жизни и деятельности Кантемира. Во-первых, профессор Варшавского университета Александренко приступил к изданию всех реляций Кантемира из Лондона, пользуясь для этого архивами как нашими, так и иностранными; но пока вышел в прошлом году только первый том этого издания, в который

вошли реляции 1732–1733 гг., т. е. всего за два года пребывания Кантемира в Лондоне. Во-вторых, Шимко издал в 1891 году книгу «Новые данные к биографии кн. А.Д. Кантемира и его ближайших родственников», составленную из писем самого Кантемира и его родственников, – писем, найденных автором в московском архиве министерства юстиции. Они представляют чрезвычайно ценный материал для освещения некоторых сторон жизни и деятельности первого русского сатирика. Таким образом, является возможность составить более подробное и рельефное его жизнеописание, и было бы крайне желательно, чтобы эта благодарная задача не была отложена в долгий ящик. Со своей стороны, я постараюсь собрать все существенное, написанное до сих пор о Кантемире, чтобы, насколько позволяют размеры общедоступной биографии, воспроизвести жизнь и деятельность Кантемира – этого «честного, умного и доброго человека», как его называл Белинский, этого первого русского гражданина-поэта, как его назовут с благодарностью все русские люди, когда снова установится общее убеждение, что гражданские мотивы не составляют контрабанды в поэзии и что гражданские чувства всегда и всюду, в жизни и литературе, красят человека и придают высший смысл его труду, борьбе, радостям и страданиям.

Глава I

Род Кантемиров. – Дед и отец нашего сатирика. – Детство Антиоха. – Его воспитатели и наставники. – Антиох и княжна Мария. – Влияние на них родителей. – Путешествие по России. – Культ Петра. – Любовь к науке, литературе и искусству

Приезд двухлетнего Антиоха Кантемира в 1711 году в Россию совпал с очень печальными внешними событиями. После славного полтавского боя русская армия, созданная Петром Великим, оказалась окруженною впятеро более сильным неприятелем на берегах Прута. Это была также своего рода Плевна, но только еще более прискорбная, потому что России пришлось заключить немедленно мир, не добившись победы, и возвратить Турции Азов, т. е. отказаться от мысли о проложении себе дороги к Черному морю. Верным союзником нашего отечества в эти тяжелые дни был молдавский господарь, князь Дмитрий Кантемир, отец сатирика, имевший громадное влияние на сына в умственном и нравственном отношениях. Ему наш сатирик в значительной степени обязан тем, что он был одним из самых просвещенных людей первой половины восемнадцатого века.

В его биографии не оправдалось правило, что выдающиеся деятели часто имеют весьма посредственных предков. Наоборот, и отец, и дед Антиоха Кантемира были люди выдающиеся: дед прославился своей храбростью и военными дарованиями; отец – своей ученостью и нравственными качествами; сам Антиох отличался литературными дарованиями. Но откуда взялся род Кантемиров? Биограф деда сатирика, князя Константина Кантемира, один из первых русских академиков, известный историк Байер, сообщает нам, что фамилия Кантемир – татарского происхождения. За ним и митрополит Евгений в своем известном словаре говорит, что предки нашего сатирика произошли от татар Мунгальского колена и считали родоначальником своим Тамерлана. Фамилию Кантемир производят от двух слов: Кан и Тимур, т. е. родственников Тимура. Но кан-темир означает также кровь-железо – эпитет, подходящий только к деду, выдающемуся воину, но не имеющий ничего общего ни с его отцом, мирным ученым, ни с ним самим, так как в его характере преобладали доброта и кротость. Как бы то ни было, не подлежит, кажется, сомнению, что род Кантемиров действительно татарского происхождения, но достоверные

сведения мы имеем только о деде нашего сатирика, князе Константине. В молодости мы его застаем на польской службе. Поляками же он послан был в 1665 году полководцем против ногайских татар; а возвращаясь из похода, он освободил Яссы от нападения взбунтовавшихся 8 тысяч молдаван и возвратил княжение изгнанному господарю Дуке. Вообще он принимал деятельное участие как в борьбе поляков, турок и крымских татар, так и в судьбе молдавского княжества.

Результатом всех этих военных подвигов князя Константина было то, что род Кантемиров, во-первых, получил за верную службу ханам и молдавским правителям обширные поместья в Килийской и Измаильской областях и, во-вторых, добился княжения в Молдавии. Так, в XVII столетии отец и дядя нашего сатирика являются молдавскими господарями, избираемыми дворянами, но не всегда утверждаемыми Портой, потому что, как известно, это утверждение часто зависело от таких значительных подарков, что они могли вконец разорить лицо, желавшее заручиться милостью турецких правителей.

Чтобы проложить своему роду дорогу к господарству, князю Константину не требовалось много усилий. Его военные дарования доставили ему громкую славу и богатство. Кроме того, он был женат на близкой родственнице молдавских господарей, князей Дуки и Дабизы, Анне Федоровне Бантышевой, женщине, как аттестует ее потомок, составитель известного «Словаря достопамятных людей», Бантыш-Каменский, «в науках очень знаменитой». Ей отец Антиоха, князь Дмитрий, и обязан первым образованием ума и сердца. Но, может быть, он не достиг бы такой значительной учености, доставившей ему европейскую известность преимущественно как историку (хотя он, кроме того, прекрасно изучил философские и математические науки) и лестное избрание в члены Берлинской академии, если бы ему не пришлось в молодости долго прожить в Константинополе в качестве заложника. Как известно, Порта пользовалась этим малогуманным средством, чтобы держать в руках подвластных ей правителей. В Константинополе князь Дмитрий усердно занимался изучением языков (он свободно говорил на турецком, персидском, арабском, греческом, итальянском, русском и молдавском; кроме того, знал славянский и французский), наук и увлекался музыкой, так что даже сочинял разные музыкальные пьесы, имевшие успех в столице Турции, а построенные им впоследствии в русских его поместьях церкви и монастыри свидетельствуют о том, что он любил и архитектуру. Всего он написал тринадцать сочинений и оставил много других неоконченными. Сочинения эти посвящены магометанской

религии, возвышению и упадку оттоманского двора, состоянию Молдавии, турецкой музыке, истории сотворения мира с «физическими примечаниями», рассуждению о монархиях, логике и философии. Мы привели все эти данные об отце нашего сатирика, чтобы пояснить, какое благотворное влияние он мог иметь в умственном отношении на своего сына. Наружность у него была приятная, обхождение любезное, разговор увлекательный. Он вел весьма умеренный образ жизни и вечера проводил всегда в семье, с которой старался не расставаться и во время продолжительных своих путешествий. Прибавим к этому, что и женился он весьма удачно: на гречанке, предки которой были византийскими императорами, Кассандре Кантакузиной, женщине, отличавшейся большим образованием и всецело посвятившей себя воспитанию своих детей.

Но то, что отразилось так выгодно на князе Антиохе, т. е. ученость и нравственные достоинства его отца, вероятно, послужило помехой для упрочения молдавского княжества за родом Кантемиров. Во всяком случае, нам известно из истории, что князю Дмитрию трудно было справиться с интригами пронырливого и хитрого валахского князя Бранкована, стремившегося захватить власть над обоими княжествами. Бранкован интриговал так удачно, что заручился доверием как Порты, так и России, и перед печальными событиями на Пруте Петр доверял ему безусловно, не обращая внимания на все предостережения князя Дмитрия. Уже в 1692 году, когда умер князь Константин, молдавские бояре избрали его сына господарем, но Порта его не утвердила, и он снова поселился в Константинополе, где 10 сентября 1709 года и родился у него сын Антиох, наш знаменитый сатирик. Через два года после его рождения Порта сменила гнев на милость и послала князя Дмитрия в Молдавию управлять обоими княжествами, арестовав предварительно князя Бранкована. Возмущенная вероломством последнего Порта даже освободила князя Дмитрия от дани и подарков, но как только он прибыл на место, она, изменив своему слову, потребовала от него значительных сумм, постройки моста через Дунай для переправы турецкой армии, снабжения ее необходимым провиантом и выступления в поход против России. Князь Дмитрий на все это не согласился, перешел на сторону России и затем остался ей верен в постигшем ее несчастии. Во всяком случае, этот исторический факт должен быть нами отмечен, так как Россия обязана ему переселением семьи Кантемиров в ее пределы, а за гостеприимство, которое она ей оказала, та отблагодарила дарованием ей такого видного деятеля и писателя, каким был наш первый сатирик.

Порта была глубоко возмущена изменою князя Дмитрия и требовала от Петра его выдачи. Официально Петр отговаривался тем, будто бы князя Дмитрия нет в русском лагере, а своим приближенным он говорил: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо. Отступить от чести – то же, что не быть государем». А между тем искушение было велико, потому что русской армии и русскому царю угрожал плен, и, следовательно, надо было позаботиться о том, чтобы поскорее заключить мир с Турцией, а она сильно настаивала на выдаче князя Дмитрия, облегчившего русским войскам занятие Молдавии и снабдившего их провиантом. Для доставления успеха русскому оружию князь Дмитрий дал нашим комиссарам 10 тысяч волов, 15 тысяч овец и 10 тысяч талеров, словом, он разорился и, прибыв в русский лагерь, не имел уже никакого состояния.

Все эти жертвы должны были упрочить дружеские отношения между Петром и князем Дмитрием. Петр во что бы то ни стало хотел спасти его от турецкого гнева и прибег к разным хитростям, чтобы скрыть его от зорких глаз турецких соглядатаев. Так, князю Дмитрию пришлось долго укрываться в кухонном вагоне, где он нашел себе убежище за кастрюлями и другою посудою. Но и это убежище оказывалось не вполне надежным, и из-под ведения главного царского повара Фельтена князь Дмитрий перешел в ведение царского кучера, сбрив предварительно бороду и заменив молдавский костюм немецким. Он долго скрывался в карете царицы. Таким образом он перебрался в Россию. Как известно, с Турцией мир был заключен на весьма невыгодных условиях: о сохранении Молдавии не могло быть и речи, и поэтому князю Дмитрию вместе с его приближенными, двумя тысячами бояр, офицеров, слуг и прочих, пришлось навсегда переселиться в Россию и принять русское подданство. Петр его, однако, щедро вознаградил за его потери, за утрату княжества и всего состояния. Ему предоставлен был титул светлейшего, ежегодная пенсия в 6 тысяч рублей, много вотчин под Харьковом, в Московском и Севском уездах и дом в Москве; кроме того, ему предоставлены были и владетельные права, например, суд над молдаванами, переселившимися с ним в Россию. В 1715 году князь Дмитрий приговорил к лишению жизни трех молдавских дворян, но потом смягчил это наказание, и Петр утвердил его приговор. Известна еще резолюция Петра: «Где его (князя Дмитрия) пребывание будет, чтоб был гарнизон Российский». Хотя исполнение приказаний Петра о предоставлении князю Дмитрию разных

недвижимых имуществ сильно замедлилось, тем не менее в конце концов бывший молдавский господарь получил до 10 тысяч душ крестьян и, следовательно, жил в большом достатке. Все это дает нам ясное понятие о той обстановке, в которой рос наш сатирик в раннем детстве.

Непосредственных сведений о том, как жил и развивался Антиох Кантемир в этот ранний период, мы не имеем, но в общем можно составить себе довольно ясную картину тех влияний, которым он подвергался. Отношения между родителями были прекрасные; оба они одинаково заботливо пеклись о воспитании детей, как и о том, чтобы дать им самое лучшее и полное образование. Князь Дмитрий, заключая с Петром условие относительно своего вступления в русское подданство, выговорил себе право «послать сыновей своих для наук в знатные города и иные христианские страны». Отсюда видно, как сильно его уже в то время заботило образование детей, хотя старшей из них, княжне Марии, было всего одиннадцать лет. Кроме того, мы имеем и другие сведения об этой заботливости. Из Молдавии князь Дмитрий привез с собою ученого священника, грека Анастасия Кондоиди, именно в качестве наставника своих детей. Но Петр, озабоченный привлечением к государственной службе возможно большего числа образованных людей, которых, как известно, было тогда мало в России, определил ученого греческого священника в духовную коллегию и таким образом лишил детей князя Дмитрия опытного и знающего воспитателя. И вот мы видим, что князь Дмитрий ревностно заботится о приискании другого столь же опытного учителя. Для этого он даже не страшится гнева Петра и просит его отпустить к нему на поруки другого греческого священника, Либерия Колети, сосланного навечно в Соловецкий монастырь за причастность к делу царевича Алексея. Просьба его в конце концов была уважена, и таким образом нашелся другой наставник. Вслед за тем князь Дмитрий имел опять столкновение с Петром из-за своих детей. Не довольствуясь иноземными воспитателями, он пригласил к себе одного из наиболее даровитых студентов Московской академии, которого Петр собирался отправить за границу для дальнейшего образования, известного Ивана Ильинского, имевшего также очень значительное влияние на своего ученика. Князь Дмитрий решительно воспротивился намерению Петра, и ему удалось удержать Ильинского при себе. Таким образом, молодой Кантемир имел наставником своим, кроме отца, всегда присутствовавшего на уроках детей, матери, двух ученых греческих священников, еще и русского преподавателя, на которого в конце концов возложено было главным образом его

воспитание и образование. К сожалению, об этом деятеле, столь близко прикосновенном к биографии Антиоха Кантемира, сохранились весьма скудные сведения. Достоверно известно только, что в нем сильна была любовь к литературным занятиям, что он сам много переводил и писал и передал своему даровитому ученику любовь к литературному труду и что он долго оставался в доме князя Дмитрия, исполняя между прочим должность домашнего секретаря, и поддерживал с Антиохом самые дружественные отношения вплоть до своей смерти (он умер в 1737 году). О громадном значении, которое придавал князь Дмитрий образованию своих детей, свидетельствует и духовное его завещание, в котором он настойчиво советует им заботиться о своем образовании, мало того, отказывает все свое имущество тому из них, который проявит наибольшие способности к научным занятиям, и в то же время называет своего меньшого сына, будущего сатирика, «в уме и науках от всех лучшим». Эта аттестация со стороны такого образованного и внимательного отца, каким был князь Дмитрий, служит доказательством, что Антиох уже в раннем детстве проявлял большие способности к научным и литературным занятиям. Она и в другом отношении является пророческой. Из всех детей князя Дмитрия от первой жены пятеро остались в живых: Мария, Матвей, Константин, Сергей (Сербан), Антиох. Из четырех сыновей только Антиох оказался вполне достойным принять наследство своего замечательного отца. Константин, как мы увидим ниже, оказался в нравственном отношении человеком несостоятельным; Матвей и Сергей были вполне заурядными людьми и своею разгульною жизнью причиняли много забот Антиоху и Марии. Нельзя не удивиться, как из одной и той же семьи, высокообразованной, нравственной, самым заботливым образом относившейся к делу воспитания, вышли столь различные дети. Между Антиохом и сестрой Марией, с одной стороны, и остальными братьями – с другой, нет почти ничего общего.

Кротость нрава, нерасположение к шумной житейской сутолоке, стремление к мирной жизни, к уединению составляют характеристические черты душевного настроения брата и сестры. Что общего между ними и другими, которые вечно возятся с какими-то «зазорными харайками», дебоширят с ними и тут же приказывают своим слугам «отдуть на обе корки» своих товарищей, капитана Дубасова, какого-то поручика и даже его жену? Из интересных документов, собранных Шимко, мы видим, что все три брата причиняют Антиоху бесконечные хлопоты и беспокойства. Константин лишает семью всего ее состояния,

Сергей проигрывает значительные суммы в карты, выдает векселя и отказывается платить по ним, так что его товарищ, полковник Боборыкин, даже грозит убить его за это и совершает на него ночью набег «цугом в карете».

Верится с трудом, что все это дети, выросшие под нежным и заботливым попечением одного и того же отца, одной и той же матери. Теория наследственной передачи физических и душевных свойств на судьбе семьи Кантемиров мало оправдывается. Говорят, впрочем, что Антиох проявил особенную склонность к уединению и научным занятиям вследствие своей болезненности: он действительно был слабого телосложения и вечно хворал. Но, весьма возможно, что и болезненному его состоянию, и преждевременной смерти много содействовал чрезмерный умственный труд, потому что он от книг и книжных занятий с раннего детства не отрывался ни на миг. По крайней мере, достоверно известно, что он сильнейшим образом расстроил себе зрение непрерывными кабинетными занятиями и по целым дням не выходил из комнаты. К тому же мы видим, что его сестра, княжна Мария, отличавшаяся вообще удовлетворительным здоровьем, почти с такою же ревностью предавалась книжным занятиям и находила в них высшее наслаждение в жизни. Мало того, мы должны констатировать, что между Антиохом и Марией существовало тайное сродство душ, что их вкусы, склонности, настроение, даже привычки удивительно совпадали: тот же тихий нрав, глубокая религиозность, преданность высшим интересам духа, стремление жить уединенною жизнью, нерасположение к свету, к участию в политической борьбе, крепость семейного начала, домовитость, – все это в одинаковой степени присуще брату и сестре. Если Антиох, как мы увидим, рвался за границу, чтобы усовершенствоваться в науках и мирно предаваться там их изучению на пользу приемного своего отечества, то его сестра не меньше чуждалась придворной жизни, хотя и была назначена фрейлиной Анны Иоанновны, и жила уединенною жизнью в Москве или под Москвою, предаваясь чтению, живописи, музыке, науке и заботясь о мирских делах лишь настолько, насколько эта забота обусловливалась глубоким желанием быть полезною нежно любимому брату и вообще семье.

Когда для нее стало ясным, что собственного семейного очага она иметь не будет, ее помышления были только о том, как бы соединиться с любимым братом или, в крайнем случае, посвятить себя одному служению Богу, создать мирную обитель, в которой нашли бы себе успокоение отрешившиеся от мирских забот одинокие женщины. Чем-то возвышенным, идеальным веет в этом отношении от брата и сестры, двух вполне родственных душ по

основному настроению, если не по жизненным задачам и силе умственных способностей. Во всем их образе мыслей и поступках с большой силой проявляется, как мы уже заметили, глубокая преданность высшим интересам духа и, кроме того, чрезвычайная заботливость о благополучии близких людей и вообще всех, с кем сводила их жизнь. Эта заботливость распространялась у них не только на людей, но даже на животных. Когда во время большого московского пожара 1737 года у княжны Марии сгорел ее дом, она пишет брату, что больше жалеет о своей собачке Перле и двух кошках, погибших в огне, чем о доме. «Горько оплакала я их смерть, – продолжает она. – Кондоиди сочинил им надгробную речь, подобную той, какая, если помните, была произнесена над Ромашкой, собакой нашего отца, а Ильинский перевел эту речь на русский язык». Надо сказать, дом княжны Марии до такой степени был наполнен кошками и собаками, что она в шутку называла его своим Ноевым ковчегом.

Столь же любовно относились брат и сестра к старым слугам своего отца, на глазах которых они выросли. В письмах княжны Марии к Антиоху встречаются часто приписки этих слуг вроде следующих: «И я, сиятельный господин, смиренно кланяюсь вместе со служанкою вашей Екатериною, прося Бога увидеть вас здоровым и радостным», или: «Не гневайтесь на меня, ваше сиятельство, за то, что я давно вам не писал. Я все странствовал по горам и полям русским». Эти приписки принадлежат верному слуге князя Дмитрия, его дворецкому Камарашу. Другой слуга, Гризавиди, делает следующую приписку: «Выпиваю за ваше здоровье две рюмки водки и прошу вас не забывать меня и моих трудов». Какая-то Даниловна пишет князю, что записала его имя для поминовения за здравие, просит ему у Бога всякой милости, особенно, чтобы он поскорей женился и тогда устроил ее в монастырь. Сама княжна Мария извещает брата, что одна из их служанок вышла замуж за ефрейтора, или сообщает, что Ефрему Бог дал сына, или просит разыскать в Лондоне мать поступившей к ней в услужение немки.

Эту же заботливость Антиох и Мария распространяют и на своих крепостных. Жалуясь на неплатеж крестьянами оброка, что было особенно чувствительно для нашего сатирика, потому что его материальное положение за границей лишало его всякого спокойствия, княжна Мария пишет: «Приходится терпеть и сидеть сложа руки. Что делать! Не одни наши мужики так бедны. Я очень довольна тем, что долго прожила в деревне, так как там меньше расходов, чем в Москве… Жаль крестьян: уже третий год у них неурожай». И княжна Мария не решается взыскивать с них недоимки, а предпочитает заложить у какого-то Игнатия

Францевича свой крестик и не выслать брату денег за границу. Чувства княжны Марии к крепостным выразились и в том красноречивом факте, что перед смертью она дала всем дворовым вольную и завещала «до приискания пропитания кормить их и давать им помещение, а при уходе выдать им жалованье и харчи на полгода». Что же касается чувств самого Кантемира в этом отношении, то о них свидетельствуют его стихи. Еще в начале XVIII столетия наш сатирик писал, что «пахарь и вельможа равны в суде, и одна правда превосходна», что «та же и в свободных, и в холопях течет кровь, та же плоть, те же кости». Тогда уже сатирик негодовал на тех, «кто каменной душою бьет холопа до крови», и клеймил того, чью «храбрость один лишь холоп искушает», потому что «он один отвечать не посмеет». Пышно расцвели в нем эти чувства доброжелательства к ближним, которые вынес он из семьи, расцвели и разрослись до просвещенного осознания гражданского долга, до глубокой преданности общественным и государственным интересам, до готовности не щадя сил и здоровья служить отечеству.

Но об этом речь у нас впереди. Мы пока хотели только указать и, по возможности, выяснить те влияния, которые испытал он в кругу родных в детстве. Если он вынес из семьи много плодотворного, то потому, что у него была богато одаренная натура: душа его воспринимала, жадно поглощала добрые семена, посеянные родителями и наставниками. Только этим и можно объяснить себе, что из одной и той же семьи вышли столь различные дети. Мария и Антиох прониклись семейною атмосферой, окружавшей их в детстве, и каждый по-своему взрастил в себе воспринятые ими родственные семена. Остальные братья как бы вышли из другой семьи: Константин совсем выродился в нравственном отношении; Матвей был самым заурядным человеком, ничем не отличавшимся от сотни других товарищей и офицеров, а Сергей (последний представитель рода Кантемиров, умерший в Москве в 1780 году) только под конец жизни проявил домовитость и некоторую практичность, благодаря которой сделался собственником очень значительного состояния. Отметим еще мимоходом, что дочь князя Дмитрия от второго брака с Трубецкой, Екатерина Дмитриевна Голицына, завещала 22 тысячи рублей – сумму очень значительную для того времени, на проценты с которой должны были получать медицинское образование молодые русские за границей, преимущественно в Страсбургском университете. Россия обязана, таким образом, этой дочери князя Дмитрия многими врачами, в том числе такими замечательными, какими были Тереховский и Амбодик.

Касаясь тех влияний, которым подвергался наш сатирик в детстве, мы не можем не упомянуть еще о двух обстоятельствах. Составители учебников по русской словесности, упрекающие Антиоха Кантемира в его чужеземном происхождении, в недостаточном знакомстве с русским народом и даже духом русского языка, забывают, что он уже в детстве имел случай близко познакомиться с приемным своим отечеством. Князь Дмитрий постоянно находился в разъездах, жил в своих вотчинах, о благоустройстве которых он много заботился, в Москве, в Петербурге, под конец жизни совершил еще путешествие через всю Россию в Персию и постоянно брал с собой свою семью, в том числе и сына Антиоха. Уже двухлетним ребенком Антиох был перевезен из Ясс под Харьков, где он, кажется, прожил довольно долго в поместье своего отца, затем перевезен был в Москву, а оттуда неоднократно совершал вместе с отцом поездки в курские и орловские поместья, где тот подолгу проживал. В 1719 году отец, вступив во второй брак, переселился окончательно в Петербург, а из Петербурга тринадцатилетний Антиох совершил вместе с отцом путешествие через всю Россию в Персию, хотя из-за опасной болезни отца добрался только до Астрахани. Таким образом, уже в раннем детстве он постоянно был окружен русскою природой, русскими людьми, изъездил Россию вдоль и поперек, его глаз и ухо ловили русские виды, русские звуки. Все впечатления, которые он получил в детстве, были проникнуты русским духом, а впечатления раннего возраста бывают, быть может, самыми сильными в жизни. Вот чем объясняется факт, отмеченный одним критиком с некоторой, небольшой, впрочем, неточностью в цифрах и датах: «С двенадцатилетнего возраста в походах в Персию, с четырнадцати лет в полурусском тогда Петербурге, с двадцати двух лет за границею. Всего восемь лет в России. Но он понял гений языка русского… Он первый в России осмелился писать, как говорят».

Но удивляться тут нечему: с двухлетнего до двадцатилетнего возраста, т. е. в период жизни, когда человек наиболее восприимчив, когда он окончательно формируется физически и духовно, когда воспринимает наиболее сильные впечатления, Антиох постоянно разъезжал по России и близко знакомился со страной и людьми. К тому же, как мы уже видели, одним из его учителей был Иван Ильинский. К сожалению, в точности неизвестно, с какого года он жил в семье Кантемиров. Известно только, что уже в 1716 году Петр требовал от князя Дмитрия, чтобы тот отпустил Ильинского для отправки его за границу. Следовательно, Ильинский находился в доме Кантемиров уже тогда, когда будущему сатирику было всего семь лет. Влияние

Ильинского на него было громадным. Об этом свидетельствуют многие факты: несомненно, что от учителя Антиох перенял склонность писать стихи; как Ильинский составил «симфонию» на темы Четвероевангелия, так Антиох уже на четырнадцатом году составил «симфонию» на темы псалмов – первый печатный труд нашего сатирика. Мало того, из заметок Антиоха в его календаре за 1728 год видно, что он находился в деятельной переписке со своим бывшим наставником, и мы знаем, что эта переписка продолжалась в течение всей жизни Ильинского. Таким образом, в самой семье мальчик с раннего возраста подчинялся русскому влиянию и начал уже мыслить и чувствовать по-русски. Хотя, по-видимому, разговорным языком в семье Кантемиров был греческий, но родным языком он считал русский. Со своею горячо любимою сестрою Марией он переписывался на греческом и итальянском языках, но, очевидно, отчасти для усовершенствования в них (итальянским языком Антиох начал свободно владеть только за границей), отчасти же чтобы скрыть содержание корреспонденции от охотников до чтения чужих писем, которых в России было и тогда много. Переписка на этих языках представляла для него затруднение, и когда он чувствовал себя слабым, когда болезнь лишала его энергии, он писал сестре по-русски. Так, одно из его писем начинается следующими словами: «Будучи я весьма слаб, а наипаче сего дня, не в состоянии много писать, для того ответствую по-русски». Это письмо относится к 1744 году – году смерти Антиоха; следовательно, оно написано после того, как он провел за границей двенадцать лет из тридцати пяти, прожитых им на свете. Прибавим к этому, что в течение этих двенадцати лет он почти исключительно встречался с иностранцами, ни разу не был в России, откуда он уехал двадцатидвухлетним молодым человеком, и мы поймем, как глубоко сроднился Кантемир с русской речью и как он даже в этом физиологическом, так сказать, отношении был русским до мозга костей, хотя сам и называл себя «породою иноземцем».

Особенно любопытно уяснить, какие чувства внушены были Кантемиру в детстве о политических отношениях. Детство его более или менее совпадает с первой четвертью восемнадцатого века, когда еще не было и речи о явных признаках той бури, которая разразилась над Европою в конце того же столетия. Отец Антиоха ставил монархический образ правления очень высоко вообще и, в частности, по отношению к России. Вся просвещенная Европа восторгалась тогда неутомимой и гениальной деятельностью Петра, направленной к приобщению нашего отечества к остальному цивилизованному миру. Еще в 1739 году

Вольтер в письме к Кантемиру поздравляет его с тем, что семья князя отреклась от варваров-турок и переселилась в Россию, находившуюся под управлением Петра, и с пафосом говорил о «великих идеях» русского царя. Те же чувства владели и отцом нашего сатирика. Это видно из его сочинений, из той преданности, которую князь Дмитрий проявлял к Петру, и подтверждается его готовностью служить великому царю чем он только может, его жалобами на то, что Петр не дает ему возможности проявить рвение к службе государственной. «Близ десяти лет, – пишет он Петру, – аще я празден был, обаче не яко не хотел, но яко не имел повеления».

Нас не должны тут вводить в заблуждение вечные жалобы князя Дмитрия на необеспеченность его материального положения, на лишения, которым он подвергается в России, и прочее. Не следует забывать, что в Молдавии он был богатым человеком и вел жизнь владетельного князя. Переселение в Россию было сопряжено для него с немалыми лишениями и убытками, несмотря на щедрое вознаграждение, предоставленное ему Петром, тем более что воля Петра, несмотря на всю его энергию, как известно, далеко не всегда в точности исполнялась. Так, уцелели черновые нескольких донесений за подписью бывшего господаря о выдаче назначенной ему ежегодной 6-тысячной пенсии, отведении пожалованных земель, обидах, чинимых ему киевским губернатором князем Дмитрием Голицыным (сыгравшим впоследствии, когда он был верховником, такую неприглядную роль в жизни нашего сатирика) и курским обер-комендантом Колтовским, черновые его прошения на высочайшее имя об ограждении его от несправедливых действий сената и того же князя Голицына. В одном из этих прошений говорится: «Загороднова двора, о которого даче тремя именными указами правительствующему сенату повелено, еще не дано». Кроме того, князь Дмитрий жалуется, что он не имеет средств помочь старшему брату и племяннику, которые, живя в Константинополе и Молдавии, «едва повсядневную имеют пищу, и то за мою причину, что верность величеству вашему соблюл непорочную». Мы видим, следовательно, что и при Петре – и это хорошо всем известно – «законы были святы, да исполнители лихие супостаты»; даже троекратное высочайшее повеление не исполнялось; но в то же время из всех сохранившихся документов видно, что отец нашего сатирика нисколько не сомневался в добрых намерениях самого царя и питал к нему преданность и глубокое уважение. В этих чувствах был воспитан и Антиох. Это совершенно очевидно из тех восторженных похвал, которые он при всяком удобном случае

расточал по адресу великого преобразователя. Для него Петр был идеальным правителем.

Он изображает его «испытующим обиды, учиненные люду», или ищущим способа облегчить нужды народа, или награждающим «сущих в бедности».

Правда, он восхвалял в стихах и правительниц, сменивших Петра, но в этих восхвалениях дело не обходится без некоторого ехидства. Так, в речи к Анне Иоанновне он говорит:

> Да, искусство требует наше стихотворно,
> Чтоб меж правдою было нечто и притворно,

и заключает заявлением, что лучше молчать, «нежели грубы похвалы писать», а в посвящении Елизавете Петровне с неменьшим ехидством включает следующие стихи:

> Явно бо, что книжку раб, дая ей такую,
> Другом добродетели весь свет признал тую.

В стихах же, посвященных Петру, нигде не заметно ни следа той сатирической соли, которая так близка душе Кантемира; в них вы не найдете ничего, кроме глубокого чувства уважения, иногда доходящего до восторга. В каждом слове его стихов, посвященных Петру, чувствуется беззаветная преданность, отношение благодарного ученика к незабвенному великому учителю, и, как увидит читатель из дальнейшего нашего очерка, Кантемир действительно старался идти только по стопам Петра на поприще, ему наиболее свойственном и сродном.

Таким образом, мы очертили те условия, в которых рос наш сатирик в детстве. Подведем теперь итоги. Родители его принадлежали к числу самых образованных людей своего века, отличались большими нравственными достоинствами и сумели внушить детям безграничную к себе любовь, которую те сохранили на всю жизнь. Когда Антиох прислал сестре своей Марии сочинения Боккаччо, она, поблагодарив брата, следующим образом отозвалась о новелле «Фьяметта»: «По моему мнению, когда Боккаччо писал это сочинение, он… забыл, что мать его – женщина». С таким же уважением относился и сам Антиох к памяти своей матери, а об отце он постоянно отзывался как о лучшем своем наставнике, сам составил его биографию, заботился об издании его сочинений, о переводе их на другие языки и спешил исправить все ошибки или опровергнуть обвинения, которые могли омрачить его память. Известна,

например, по этому поводу его переписка с Вольтером, изобразившим в своей истории Карла XII Дмитрия Кантемира изменником. Это уважение к памяти родителей, эта любовь, которую сохранили к ним дети до конца жизни, были вызваны, понятно, не только достоинствами родителей, но и их любовным отношением к детям. Отец и мать никогда не разлучались со своими детьми, они окружали их всевозможной заботой, развивали в них любовь к знанию, к просвещению и делали все, что было в их силах, чтобы дать им возможно полное образование. Не все дети князя Дмитрия воспользовались этими благоприятными семейными условиями, но наш сатирик и его сестра Мария вынесли из родительского дома глубокое уважение к знаниям, науке, искусству. В них они усматривали не только высшее наслаждение в минуты отдыха от других занятий, но, как видно из жизни обоих, даже вопреки словам самого Кантемира, что к литературному труду только «в лишних часах прилежать позволено», они оба, в сущности, жили литературой, наукой, искусством. Их переписка была посвящена главным образом указаниям на новые книги. Антиох то и дело посылал сестре разные книги, преимущественно научного содержания (по астрономии, геометрии, космографии), лучшие произведения классической литературы, о путешествиях и тому подобное. Оба они занимались живописью и музыкой (картины Антиоха вызывали одобрение знатоков). Не пустой фразой в устах Кантемира были слова, что «крайние желания» заставляют его тратить время,

Исследуя всех вещей действа и причины.

Душа его постоянно рвалась к «тишине», к «малому дому», где бы он спокойно мог предаваться научной и литературной работе, и в этой его склонности нельзя не усмотреть влияния тех впечатлений, которые он вынес из родительского дома. Впоследствии, когда он стал чувствовать себя общественным деятелем, когда сознание гражданского долга пронизало все его существо, он, согласно с теми же впечатлениями, давая волю своей склонности, усматривал благо и счастье близких ему людей, а затем народа, с которым он сроднился всей душой, своего приемного отечества, к светлому будущему которого он питал безграничное доверие и принадлежностью к которому он гордился, ревниво оберегая добрую его славу и достоинство перед другими народами как писатель и как дипломат, – впоследствии, говорю я, он, примыкая к традициям царствования Петра Великого, усматривал счастье и благо России в распространении просвещения среди русского народа, в

заимствовании у других народов всего, что они выработали хорошего, критически относясь к этому хорошему и не принимая мишуры за золото. Так, любовь к просвещению и любовь к ближнему, а затем и к соединению ближних, к отечеству, уже с малолетства развилась в нашем сатирике и, в связи с чувством безграничного уважения к Петру Великому, легла в основу всей литературной, общественной и государственной деятельности Кантемира.

В общей я пользе собственную чаю.

Этот стих из письма к князю Н.Ю. Трубецкому стал как бы девизом всей его жизни. Если крайним его стремлением было в тишине «исследовать всех вещей действия и причины», то этим он не только хотел способствовать стремлению, присущему его душе, но и поделиться с другими результатами этих исследований, воспользоваться ими для увеличения благополучия и счастья своих соотечественников, для которых он мыслил, трудился и жил. Любовь к научному труду, к искусству, просвещенный патриотизм и глубокое религиозное чувство – вот что Кантемир вынес из родительского дома. Религиозное чувство, которое ему было в детстве внушено, отличалось, как мы увидим, таким же просвещенным характером, как и его патриотизм. Он далек был от всякой религиозной нетерпимости, находился в дружеских отношениях с людьми различных вероисповеданий и мало дорожил внешней стороною религии, оставаясь, однако, верен православной церкви, к которой принадлежал от рождения. За границею друзьями его были довольно видные представители римско-католической церкви, и один из них, аббат Венутти, даже написал его биографию, дышащую искренним, почти восторженным сочувствием к Кантемиру и в течение более века остававшуюся лучшею биографией нашего первого сатирика. Тем не менее, как ясно сознавал Кантемир все недостатки и злоупотребления римско-католического духовенства и как метко он на них указывал! Но с той же неумолимостью раскрывал он в своих сатирах невежество и суеверие нашего духовенства, состоя при этом в самых дружеских отношениях с лучшими его представителями – такими, как Феофан Прокопович и Феофил Кролик.

Глава II

Раннее развитие Кантемира. – Заиконоспасская академия. – Кантемир и Ломоносов. – Академик Гросс. – Характерный анекдот. – Самостоятельность Кантемира. – Лишение его отцовского наследства. – Прокопович и Кантемир. – Их союз

26 октября 1719 года на дворе знаменитого Заиконоспасского монастыря был большой, торжественный съезд; в церкви происходила страшная давка; десятилетний Преображенский солдат, светлейший князь Антиох Дмитриевич Кантемир должен был произнести на греческом языке похвальное слово святому великомученику Дмитрию Фессалийскому в присутствии Петра I.

Все биографы нашего сатирика отмечают этот факт, как бы придавая ему существенное значение в смысле раннего развития Кантемира. При этом, однако, упускается из виду, что пятью годами раньше князь Дмитрий ездил в Петербург вместе с семилетним сыном Сергеем и что этот ребенок в день Пасхи произнес в присутствии того же Петра слово на греческом языке, за что ему сделан был значительный подарок, и он был определен в Преображенский полк. Таким образом, оказывается, что семилетний Сергей Кантемир превзошел по раннему развитию своего младшего брата, а между тем на всю свою жизнь остался заурядным человеком.

Нам кажется, что если говорить о раннем развитии Кантемира (а о нем нельзя не говорить, потому что оно действительно составляет в своем роде поразительный факт), то лучше уж начинать с первого печатного произведения, с первой его рукописи, отданной в типографию в 1726 году, т. е. когда ему было всего семнадцать лет, и озаглавленной «Симфония на Псалтирь». Но и в этом труде самостоятельности еще мало видно. Во-первых, это труд чисто механический, свидетельствующий разве только о начитанности Кантемира в псалмах, или, как он сам выразился, «трудок сей прилежности паче, неже устроумия указанием есть»; во-вторых, как мы уже отметили, преподаватель Ильинский составил такой же указатель для Четвероевангелия, а значит, молодой Кантемир в этом отношении последовал только его примеру, работал под его руководством, и даже предисловие к первому печатному труду носит слишком явные следы манеры и стиля Ильинского, чтобы его можно было приписать нашему сатирику.

Однако не подлежит никакому сомнению, что уже во время

составления этого труда Кантемир в умственном отношении и даже в наблюдательности превзошел не только своих сверстников, но и большинство образованных людей того времени. В «Симфонии» трудно отыскать признаки этого необычайного развития умственных способностей и наблюдательности. Но если принять во внимание, что всего несколько лет спустя он начал писать свои сатиры, которые принесли ему славу, то мы вынуждены будем признать, что тщательное образование, полученное Антиохом Кантемиром, его близкое знакомство с Россией и русским народом как следствие его путешествий и жизни в деревне соединились в нем с совершенно необыкновенными умственными способностями и что все это вместе дало ранний, но пышный цветок на ниве нашего родного слова, нашей гражданственности и просвещенного нашего патриотизма.

Но, возвращаясь к первым проблескам литературной деятельности Кантемира, мы должны отметить, что в том же 1726 году, когда отдана была его «Симфония» с посвящением Екатерине I в типографию, он перевел с французского «Некое итальянское письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов». Неизвестно, по собственному ли побуждению он принялся за этот перевод, оставшийся ненапечатанным. Он сам говорил, что сделал этот выбор для упражнения во французском и славяно-российском языках. Но если выбор сделан им действительно самостоятельно, то переведенная им книга имеет несомненное биографическое значение. Дело в том, что в ней осмеиваются французские нравы, с которыми до известной степени были знакомы и образованные русские того времени или, по крайней мере, сам Кантемир и его семья. Если он, составляя «Симфонию», имел в виду удовлетворить потребности более удобного отыскания текстов святого Писания, т. е. практической цели, то, очевидно, переводя критическое описание Парижа, он давал волю собственной потребности осмеивать то, что было в людях ненормального или смешного. В этом отношении выбор Кантемира интересен, как интересно и то, что он три года спустя, т. е. в том году, когда написана была его первая сатира, перевел единственный сохранившийся до нашего времени философский разговор ученика Сократа, Кебеса, озаглавленный «Картина» и по содержанию своему составляющий рассуждение о целях человеческой жизни. В этой «Таблице Кевика философа» выражены взгляды на жизнь, во многом соответствующие философским взглядам, которых придерживался в течение всей своей жизни сам сатирик. Характерно, что в предисловии к этой

книге 20-летний автор говорит, что «если бы люди прилежно словам философа внимать хотели, могли бы жить гораздо покойнее», что это побудило автора «издать на нашем языке сей древней премудрости остаток» и что он «нарочно прилежал писать сколько можно простее, чтобы *всем вразумительно».* Отсюда видно, что уже в ранней молодости Кантемир озабочен был мыслью о всевозможном распространении знаний как самой верной основы человеческого благополучия, и, кроме того, что уже тогда в нем выработалось убеждение, которым он руководствовался во всей своей дальнейшей деятельности, именно, что легче всего упомянутая цель может быть достигнута путем распространения правильных взглядов на нравственность и осмеяние человеческих слабостей. Отсюда и то расположение к нравственной философии, которое угасло в нем лишь с жизнью.

Тут мы должны упомянуть еще об одном из учителей Кантемира, имевшем наряду с вышеуказанными несомненно значительное влияние на сатирика. Говоря о познаниях, которые получил Кантемир в детстве, мы не упомянули о том, что он некоторое время состоял учеником знаменитой Заиконоспасской академии. Мы не упомянули об этом, потому что не могли собрать точных сведений, сколько времени, собственно, он обучался в этом рассаднике русской образованности, которому и Ломоносов обязан своим первоначальным образованием. Но мы не можем себе представить, чтобы оно продолжалось долго, отчасти потому, что Кантемир уже очень рано расстался с этой академией, а во-вторых, и потому, что склад его ума принял во многом совершенно иное направление, чем у Ломоносова. Оба они ставили науку чрезвычайно высоко, но и в отношении к науке наблюдается между ними большое различие. Ломоносов преклонялся перед нею; для него не было высшего наслаждения в жизни, как воспринимать ее и работать в этом направлении. Кантемир же смотрел на науку больше с утилитарной точки зрения: он искал в ней указания, как бы осчастливить людей, а вместе с тем его гораздо больше, чем Ломоносова, занимала действительность. Отсюда и глубокое различие в чисто литературных трудах обоих писателей: в одах Ломоносова русская действительность отражается весьма слабо; Кантемировы же сатиры являются первой попыткой воспроизвести русскую действительность в художественной форме. Оба они были лириками, но лиризму Ломоносова свойствен пафос, восторженное преклонение пред высшими благами человеческого духа; лиризму же Кантемира свойственна умная, добрая по существу, хотя подчас едкая по форме насмешка. При тождественности их основного стремления, направленного к

обеспечению блага отечества, они должны были бы прийти к схожей литературной деятельности, если бы в молодости и в детстве подчинены были схожим влияниям. Но они совершенно разошлись в этом отношении, и поэтому мы не можем утверждать, что пребывание Кантемира в Заиконоспасском училище отразилось на нем сколько-нибудь сильно. Даже влияние Ильинского, ученика того же училища, оказалось в этом отношении слабо. Его трескучие фразы могли, путем постепенного совершенствования, дать в результате нечто вроде ломоносовских од; но у Кантемира они отразились лишь в произведениях, посвященных прославлению сильных мира сего, – в тех произведениях, в которых сам сатирик себя спрашивает:

Как же, не похлебствовав, составить песнь красну?

В его же сатирах, эпиграммах и разных других стихотворениях трезвость мысли берет всегда верх над громкою фразою, а подчас даже доводит нашего сатирика, как и впоследствии Салтыкова, до таких реальных выражений, которые и в разговорной речи подчас неудобны. Когда сердце преисполнено едкой горечи, когда душа глубоко возмущена, эстетическая фраза не приходит на ум.

Таким образом, влияние Заиконоспасского училища на Кантемира не могло быть значительным. К тому же достоверно известно, что уже на четырнадцатом году жизни Антиох Кантемир тотчас после смерти отца, т. е. после того, как он вместе с ним совершил путешествие через всю Россию в Персию, обратился к Петру с собственноручным прошением, в котором ходатайствовал о разрешении ему отправиться за границу для завершения своего образования. Насколько известно, это прошение не было удовлетворено. Во всяком случае, Кантемир остался в России. Предполагают, что Петр, занятый тогда мыслью об основании в Петербурге Академии наук, намеревался воспользоваться блестящими способностями молодого Кантемира, чтобы придать своему новому учреждению больше блеска. И мы видим, что тотчас после открытия Академии при Екатерине I наш сатирик является ее учеником. К крайнему прискорбию, и относительно занятий Кантемира в Академии сохранились лишь весьма скудные сведения. Известно только, что он занимался у Бернулли высшей математикой (к математике он всегда питал пристрастие), у Больфингера – физикой, у Беера – историей, у Гросса – нравоучительной философией. Известно, кроме того, что из всех академиков Кантемир с особенным уважением относился к Гроссу и занимался его предметом с особенной любовью. Вообще, пристрастие к этике он сохранил

навсегда и впоследствии охотно писал на этические темы и переводил авторов, сочинения которых обнаруживали наиболее глубокие мысли нравственно-философского характера; так, и сатиры его исполнены подобного рода мыслями. Следовательно, и тут мы видим, что уже в молодости, как и в течение всей своей жизни, Кантемир, главным образом, интересовался тем, как стать полезным обществу, и даже сам прямо сознавался, что любит этику именно по этой причине. Нельзя сомневаться, что в этом отношении академик Гросс имел влияние на сатирика. Он сам признавал, что лекции первых русских академиков принесли ему большую пользу. Академики удивлялись его способностям и выбрали его членом Академии, рассчитывая, что он со временем займет пост ее президента. С точки зрения интересов научной словесности нельзя не пожалеть, что эта надежда не сбылась. Сам Кантемир, как мы еще увидим, до конца жизни надеялся, что ему удастся послужить на этом посту отечественной науке. Но когда эта надежда была ближе всего к осуществлению, смерть преждевременно прекратила дни нашего первого писателя, и в то время как Кантемир исправлял, в сущности, чуждые ему дипломатические обязанности, только что возникшая Академия влачила довольно жалкое существование, ставя всевозможные препоны первому нашему замечательному ученому Ломоносову.

Пребывание. Кантемира в Академии наук принесло ему, однако, большую пользу. Он слушал в ней лекции по математике, истории и этике ученых, вооруженных истинными знаниями, стоявших на высоте тогдашней науки; в славяно-греческом же училище главными предметами были каноническое и гражданское право, грамматика, пиитика, риторика, философия и богословие. Конечно, и эти предметы, если бы они преподавались иначе, могли бы сослужить свою службу. Но риторика сводилась к изучению чисто механических литературных приемов, к набору громких слов и фраз, к уснащению речи мифологическими терминами; логика была не чем иным как набором силлогизмов, совершенно не пригодным к жизни; в психологии ломали голову над такими вопросами: человек ли женщина и отчего у нее не растет борода? В физике обсуждались вопросы: росли ли в раю розы без шипов, существует ли доныне рай и каким он был при Адаме и Еве? Заиконоспасская академия, конечно, была учебным заведением, представлявшим собою, по мысли такого просвещенного деятеля, каким был Симеон Полоцкий, большой шаг вперед на пути нашего просвещения. Но в руках неискусных преподавателей, живших старыми традициями, она не принесла той пользы, какой ожидал от нее знаменитый основатель. Если из нее вышли такие светила родной науки и родного слова, как

Кантемир и Ломоносов, то Россия этим обязана не столько ей, сколько духу времени, торжеству которого так много содействовал Петр, великий преобразователь русской земли.

Как бы то ни было, мы видим, что Кантемир везде, где ему представляется случай приобрести новые знания, пользуется им с увлечением, и притом не только воспринимает знания, но старается их переработать самостоятельно для достижения тех целей, которые выдвигаются самой жизнью. Усидчивость в труде, прилежание характеризуют его столько же, как и стремление быть полезным обществу, в котором он живет. С другой стороны, он решительно отвергает, несмотря на тихий свой нрав, на мягкость характера, все то, что представляется ему бесполезным, не соответствующим внутреннему его настроению, его стремлениям. В этом отношении довольно характерен известный анекдот о том, как малолетний Кантемир заснул на карауле перед дверью почивальни государыни. Должно быть, этот анекдот относится к тому времени, когда Петр обратил особенное внимание на Кантемира вследствие чтения им в его присутствии слова в Заиконоспасском монастыре. Кантемир уже раньше был зачислен солдатом в Преображенский полк, столь любезный сердцу Петра. Пораженный способностями будущего сатирика Петр пожелал, чтобы он деятельнее занялся военной службою и изучал военные науки. И вот результатом этого желания было, между прочим, то, что ребенка в мундире поставили на карауле у дверей спальни императрицы. Отец Кантемира по прошествии некоторого времени пожелал убедиться, добросовестно ли сын исполняет возложенную на него обязанность, и, к своему ужасу, застает его погруженным в глубокий сон. Князь Дмитрий вспылил и будто бы хотел убить его на месте, но подошел Петр и спас жизнь ребенка, хотя в то же время признал, что он, по-видимому, к военной службе малоспособен. Анекдот этот, как все анекдоты, страдает, конечно, сильным преувеличением. Нельзя думать, что такой любящий отец, как князь Дмитрий, мог убить своего ребенка за такую, в сущности, ничтожную провинность. Он, вероятно, только пригрозил ему, а Петр вступился за него. Однако несомненно, что после этого случая юного Антиоха освободили от военных наук и от военной службы, и хотя он продолжал числиться в полку и даже постепенно дослужился до офицерских чинов, но, по-видимому, его служебные обязанности в этом отношении ограничивались стоянием на карауле во дворце, и он имел полный досуг предаваться литературным и научным своим занятиям. В этом отношении очень характерны его заметки в календаре за 1728 год. Из них мы узнаем, что Кантемир во время коронации Петра II пожалован в подпоручики,

что он часто стоял на карауле и в то же время ревностно занимался литературой, потому что в календаре то и дело указываются разные книги, которые Кантемир прочел или собирался прочитать, с обозначением даже лиц, у которых он надеялся получить ту или другую книгу. Кажется, ни одно сколько-нибудь заслуживающее внимания сочинение того времени не ускользало от зоркого глаза девятнадцатилетнего юноши. Его в одинаковой степени занимают книги, касающиеся России, мемуары, исторические монографии, классическая древность, философские и естественноисторические книги. Словом, видишь, что молодой Кантемир стоит, по роду чтения и выбора книг, на высоте тогдашней образованности. Вероятно, не только у нас, в России, но даже и на Западе в то время было мало людей, с таким рвением предававшихся литературным занятиям и так зорко следивших за всеми литературными явлениями. Но заметки календаря Кантемира интересны еще и в другом отношении. За исключением, быть может, разных событий дня, касающихся придворной жизни, ум молодого Кантемира занят единственно более или менее серьезными вопросами; разные же увлечения, столь свойственные молодости, не играют никакой роли в его жизни. Он отмечает заглавия книг, которые прочитал или собирается прочесть, меткие выражения, преимущественно народные, семейные события, значительные явления в природе (он делает, например, рисунок солнечного затмения); единственные же отметки, касающиеся обыденной жизни, свидетельствуют разве о том, что наш сатирик, несмотря на необходимость бывать постоянно во дворце, был чрезвычайно экономен. Эта черта очень гармонирует с его общим нравственным обликом и пришлась кстати, когда ему впоследствии в Лондоне и Париже приходилось быть представителем такого государства, как Россия, и получать чрезвычайно скудное содержание, не располагая сколько-нибудь значительным собственным состоянием. Существенно для характеристики Кантемира и то, что эта черта вряд ли могла развиться в родительском доме, который был поставлен на очень широкую ногу, в особенности с тех пор, как шестидесятилетний князь Дмитрий вступил во второй брак с княжной Трубецкою, дочерью Ивана Юрьевича Трубецкого, жившего во все время шведских войн в Швеции пленником и сроднившегося там с европейскою образованностью и с жизнью западной интеллигенции. Княжна Настасья Ивановна была замечательная красавица, и в угоду ей князь Дмитрий Кантемир сбрил бороду, сбросил свой полуазиатский костюм, переселился окончательно в Петербург и зажил здесь великосветской жизнью, правда,

ненадолго, потому что брак его состоялся в 1719 году, а три года спустя он уже отправился в персидский поход. Но трехлетняя жизнь в Петербурге с ее роскошью, забавами, вечерами, казалось, должна была произвести впечатление на Антиоха, соблазнить и увлечь его; на самом же деле она внушила ему только нерасположение к роскоши и богатству, к светским удовольствиям и увлечениям. Быть может, в этом отношении на него подействовало и то обстоятельство, что горячо любимый отец, не переставший, правда, деятельно заботиться о воспитании своих детей, под конец своей жизни проявил такую слабость, разыгрывал роль ревнивца, нарушил все свои привычки и вообще во многом утратил тот вид внешнего достоинства, который более всего соответствовал чувствам его сына. Несмотря на молодые годы, он при своей наблюдательности не мог не заметить перемены, происшедшей в отце, и эта перемена пусть не поколебала чувства любви к нему, но, по-видимому, внушила ему нерасположение ко всему, чем она обусловливалась, и притом не столько к личности его мачехи, сколько к суетности той жизни, которую она привыкла вести.

Словом, мы видим, что уже в ранней молодости Кантемир не подчинялся внешним влияниям, а напротив, начал жить вполне определенной внутренней жизнью и старался устроить внешнюю жизнь свою так, чтобы дать наиболее полное удовлетворение стремлениям своей богато одаренной души. Это пришлось ему очень кстати, потому что он уже в таком возрасте, когда другие еще всецело подчиняются окружающим их условиям, воспринимают, а не действуют, был вынужден силой обстоятельств действовать более или менее самостоятельно. Тринадцати лет от роду он, как мы видели, лишился отца. Трудно составить себе по сохранившимся отрывочным сведениям суждение о том, насколько мачеха заботилась о своих пасынках. Но впоследствии отношения Антиоха и Марии с мачехой были не особенно дружелюбны, и поэтому надо полагать, что она далеко не относилась так заботливо и любовно к Антиоху, как его мать. Тотчас после смерти отца Кантемир обращается с собственноручным прошением к Петру, ходатайствуя, чтобы его отпустили за границу для завершения образования. Но, как мы указывали, ему пришлось остаться в России, и он вскоре был вовлечен в водоворот тогдашних бурных политических событий, придворных интриг, неумеренной, страстной борьбы влияний и лиц. Ему был дан повод, мало того, он был заинтересован в том, чтобы принять участие в этой борьбе, – заинтересован, во-первых, горячим стремлением принести посильную пользу своему приемному отечеству и, во-вторых, как лицо, жестоко

пострадавшее от несправедливостей временщиков. Когда умерла Екатерина I, Кантемиру было всего семнадцать лет. Шел третий год после смерти Петра Великого и уже второе царствование – царствование ребенка. Недаром Кантемир составил следующую «эпиграмму» по поводу коронации Петра II:

> Петр прия свыше крепку власть на люди Венчаньем.
> Творче, помощь крепка буди.

Действительно, нужна была «крепкая помощь», чтобы этот ребенок мог сколько-нибудь сносно управлять великой страной после такого царствования, каким было царствование его великого деда, совершенно преобразившего Россию, в значительной степени расшатавшего устои, на которых она раньше покоилась, и заменившего их новыми, внушавшими многим сомнения и чувствительно отражавшимися на интересах правящих и управляемых. Надо было питать большое доверие к установленному Петром государственному строю, чтобы оставаться ему верным при тех замешательствах, при том безотрадном положении, в котором очутилась Россия после его смерти. Это безотрадное положение дел, на котором мы не станем останавливаться, потому что оно всем известно из истории, отразилось самым чувствительным образом, между прочим, и на материальных интересах Кантемира. Ребенок, возведенный на престол, подчиняясь влиянию Долгоруких, проявил вдруг большую самостоятельность. Он сверг несносную опеку всесильного временщика Меншикова, управлявшего Россией, – этой «недостроенной машиной», как выражался сам знаменитый временщик, – только отчасти в духе Петра, но, собственно, соблюдая больше свои личные интересы, чем интересы государственные. Всем было тяжело под этим управлением: тяжело было и народу, и тем, кто желал им править для удовлетворения личных выгод, и представителям старины среди духовенства и боярства, и людям, дорожившим реформами Петра, и самому малолетнему царю, равно как и его товарищу Ивану Долгорукому, «этому гостю, досадному и страшному, который на лошадях, окруженный драгунами, часто по всему городу необычным стремлением как бы изумленный скакал и врывался по ночам в честные домы». Петру II и его сверстнику опека Меншикова была слишком стеснительна, и в один прекрасный день он решительно провозгласил: «Я покажу, кто император – я или Меншиков». И грозный временщик лишился награбленного им громадного состояния в 100 тысяч крестьянских душ и умер на пустынных берегах Оби. Но его

вскоре заменил другой временщик, которого некоторые историки силятся выставить просвещенным деятелем, но который, в сущности, даже не сочувствовал начинаниям Петра, а в корыстолюбии, может быть, даже превзошел Меншикова. Это был князь Дмитрий Михайлович Голицын, человек образованный, знакомый с несколькими европейскими языками, собравший обширную библиотеку в своей подмосковной деревне, в знаменитом селе Архангельском, и тем не менее приверженный старине, симпатизировавший злосчастному царевичу Алексею и запятнавший себя необычайным корыстолюбием. От этого корыстолюбия сильно пострадал и наш сатирик. Дочь князя Голицына вышла замуж за брата Антиоха, князя Константина Кантемира, и этого было достаточно, чтобы, вопреки завещанию отца, князя Дмитрия, выразившего совершенно ясное желание, чтобы единственным его наследником, ввиду закона о майорате, изданного Петром Великим, был назначен тот из его сыновей, который сделает наибольшие успехи в науках, причем он прямо указывал на Антиоха как на самого способного и наиболее обещающего, – чтобы, вопреки этому завещанию, все состояние бывшего молдавского господаря было предоставлено зятю Голицына, Константину Кантемиру. Покойный господарь доверил Петру исполнение своего завещания, но душеприказчиком оказался не Петр, а князь Голицын, и наш сатирик из богатого человека, владельца состояния в 10 тысяч душ, превратился в бедного офицера, жившего исключительно на свое офицерское жалованье.

Казалось бы, такой вопиющий факт должен был озлобить Антиоха, заставить его принять деятельное участие в борьбе тогдашних партий или, по крайней мере, навсегда осудить тот государственный строй, при котором подобное насилие могло иметь место. Но на самом деле это важнейшее. событие в личной жизни Кантемира не отразилось ни на его образе мыслей, ни на его чувствах. Он, несомненно, принял к сердцу нанесенную ему несправедливость, но, быть может, больше с точки зрения интересов семьи, чем своих собственных. Поскольку впоследствии, когда возникла надежда на возвращение отцовского наследия, наш сатирик писал: «Злоба людская очень сильна: братья, пожалуй, могут подумать, что я, высказывая свои соображения, стремлюсь только к тому, чтобы закрепить за собою одним отцовские вотчины или, по крайней мере, сделаться посредником в дележе и назначить каждому что мне вздумается. Чтобы рассеять столь несправедливое предположение, я заявляю и обязуюсь предоставить вам (т. е. сестре и братьям) разделить землю на равные доли и назначить мне часть по жребию». Так

относился Кантемир к своим родственникам в конце жизни, а его переписка с сестрою Марией свидетельствует о том, что таковы были его чувства и раньше. Из его же действий в конце двадцатых годов ясно видно, что учиненная несправедливость не столько его озлобила, сколько опечалила, и преимущественно потому, что недостаток материальных средств лишал его возможности осуществить свою мечту, т. е. отправиться, согласно воле, выраженной отцом, «в знатные города и иные христианские страны» для завершения своего образования. Мечта его в конце концов осуществилась, но, вследствие недостатка материальных средств, при условиях, далеко не благоприятствовавших его возвышенным намерениям.

Насколько же значительно было его участие в тогдашних событиях, другими словами, к какой партии он примкнул и в каком направлении действовал? Чтобы уяснить себе этот вопрос, решение которого не может не бросить яркого света на нравственные качества Кантемира, мы должны принять во внимание, что тогдашние партии состояли из людей, меньше дороживших, как выражался наш сатирик, «общею пользой, чем собственною». По большей части они боролись только ради «собственной пользы». После падения Меншикова главными действующими лицами в стране были Долгорукие и князь Дмитрий Голицын. О Долгоруких и говорить нечего. Что же касается Голицына, то он, несмотря на свое образование, как мы уже заметили, был сторонником прав боярства, которым русские цари, начиная с Ивана III и кончая Петром, нанесли такие сильные удары. Следовательно, в деятельности этого временщика, насколько она обусловливалась не личными выгодами, а политическим принципом, проявилось недружелюбное отношение к реформам Петра с их табелью о рангах, этим последним решительным ударом, нанесенным боярству. Великий наш преобразователь, дорожа общею пользою, признал основным правом на государственный почет, вместо родовитости, образование и заслуги. Сам Меншиков – враг, под которого подкапывалось боярство, – вышел из народа и с боярством не имел ничего общего.

Князь Голицын и при Петре дружил с царевичем Алексеем, а когда последний умер, стал возлагать большие надежды на его сына. Надежды эти заключались в том, чтобы упразднить реформы и восстановить допетровские порядки, поскольку они благоприятствовали аристократии и сдерживали демократическую волну.

В ком же нашли себе защитника петровские реформы? К чести нашего духовенства, в руках которого сосредоточивалось

тогда все народное образование – надежнейший и самый обильный источник фактического обновления России, – именно оно выдвинуло из своих рядов деятеля, который был столпом русского просвещения в смутное время, наставшее после Петра. Если между первым русским светским писателем и незабвенной памяти Феофаном Прокоповичем установились самые близкие, дружественные отношения с первых же шагов сатирика на литературном поприще, если их связала судьба, если они сплотились и действовали как один человек, если умудренный житейским опытом деятель сразу с поспешностью протянул руку помощи юноше, только что вступавшему в жизнь, и отнесся к нему, как равный к равному, как к товарищу по оружию и духовному собрату, то это несомненно был знаменательный момент в истории русского просвещения – момент, когда светская наука принимала в наследство плодотворную задачу, завещанную ей всей прошлой просветительной деятельностью нашего духовенства. Кантемиру негде было искать себе покровителей среди влиятельных политических деятелей, как в той среде, которая до тех пор одна лишь заботилась об успехах просвещения, и поэтому нам представляется очень мелким соображение, высказываемое некоторыми биографами нашего сатирика, будто бы Кантемира привела к Прокоповичу несправедливость, учиненная над ним временщиком Голицыным. Голицын и Прокопович, правда, никогда не могли быть друзьями, потому что их политические принципы диаметрально расходились и потому еще, что Прокопович всеми фибрами своего существа был человеком идеи, а Голицын был им только отчасти, в мере, соответствовавшей его личным интересам. Они не могли быть друзьями – это несомненно; но столь же несомненно, что не вражда к Голицыну, а нечто совершенно иное свело Кантемира с Прокоповичем. Когда наш сатирик, со страстным рвением занимавшийся науками, отдыхая от караульной службы, излил в тиши кабинета свою гражданскую скорбь на бумаге, жалуясь на печальное состояние общества, и когда его стихи, его первая сатира попала в руки Феофана, тот немедленно выразил свой восторг стихами, и из глубины души у него вылились знаменитые строфы:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы, —

строфы, в которых он прославляет Кантемира за то, что тот «пером смелым мечет порок явный на нелюбящих *ученой дружины»,* и пророчит:

…сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

Другой же просвещенный пастырь нашей церкви, воодушевленный теми же чувствами, как и Прокопович, приветствовал ту же сатиру восторженными латинскими стихами, в которых встречается следующая строфа: «Пусть невежда, чуждый всего священного и коснеющий в своем неведении, порицает мудрого; пусть празднолюбец, гордящийся своею блестящею одеждою, издевается над познаниями, приобретенными неусыпным трудом; пусть сластолюбивый богач, бедный среди куч золота, изрыгает хулы на просвещение, – все это развеваешь ты, как ветром, своим стихотворением и научаешь ценить достоинство наук. Как же музам тебя, увенчанного мудростью, не назвать оплотом и украшением, приятным Богу?»

На этой широкой почве уважения к науке и состоялся союз между лучшими представителями нашей церкви и первым светским писателем в современном значении этого слова. Маститый пастырь, верный помощник Петра, протянул руку двадцатилетнему гвардейскому подпоручику и признал его силой плодотворной, равноправной: их соединяло служение тем просветительным идеям, выразителем которых был в такой высокой степени недавно почивший царь, над священным делом которого начали уже торжествовать враги науки, враги обновления России в духе европейской цивилизации – противники «ученой дружины». С этого момента и начинается видная роль нашего сатирика в делах отечественной гражданственности. Антиоху Кантемиру выпала великая честь представлять собою крепкое звено, соединяющее, на почве просвещения и литературы, древнюю Русь с новой; он сильною рукою указал всей нашей литературе истинный ее путь. Прав был Жуковский, утверждая, что Кантемир по форме принадлежит к стихотворцам старинным, а по искусству, и не только по искусству, а по всему содержанию своих произведений, к «самым образованным, к новейшим». Если мы сделаем усилие над собою и отрешимся от впечатления, которое производит на нас устаревшая, несколько архаическая форма творений Кантемира, то мы должны будем признать, что они знаменуют собою исполинский шаг вперед для данного времени и по содержанию до сих пор еще отличаются замечательной свежестью, что над многими его мыслями нам и теперь еще не мешает серьезно призадуматься. Кантемир ясно предвидел, по какому пути пойдет Россия и ее литература, и поставил первые вехи в этом

направлении, установил их сразу так твердо, что, несмотря на все усилия, никому не удалось их опрокинуть.

Но об этом речь впереди, при общей оценке того, что сделано Кантемиром. Теперь же мы приступим к характеристике его деятельности на рубеже двадцатых и тридцатых годов – этого важнейшего момента в жизни, когда еще не достигший совершеннолетия Кантемир, несмотря на свой тихий и скромный нрав, сразу обратил на себя общее внимание и выступил родоначальником новой русской литературы.

Глава III

Основная идея Кантемировых сатир. – Голицын, «шляхетство» и государственная власть. – Челобитная, составленная Кантемиром. – Уничтожение «кондиций». – Роль Кантемира в этом деле

«Кто над столом гнется, пяля на книгу глаза, больших не добьется палат»… «Беда, что многие в царе похваляют за страх то, что в подданном дерзко осуждают»… «Живали мы преж сего, не зная латыни, гораздо обильнее, чем мы живем ныне»… «Землю в четверти делить без Евклида смыслим; сколько копеек в рубле, без алгебры счислим»…

«Епископом хочешь быть? Уберися в рясу, сверх той тело с гордостью риза полосата пусть прикроет, повесь цепь на шею от злата, клобуком покрой главу, брюхо бородою… Должен архипастырем всяк тя в сих познати знаках, благоговейно отцом называти»… «Что в науке? что с нее пользы церкви будет?»… «Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы, иль естественный закон, иль народны правы, плюнь ему в рожу; скажи, что врет околесную»… «К нам не дошло время то, в коем председала над всем мудрость, и венцы одна разделяла, будучи способ одна к высшему восходу»… «Науку невежество местом уж посело. Под митрой гордится то (т. е. оно, невежество), в шитом платье ходит, судит за красным сукном, смело полки водит. Наука ободрана, в лоскутах обшита, изо всех почти домов с ругательством сбита, знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы, как страдавши на море корабельной службы»…

С такими мыслями, с такою силою речи двадцатилетний Преображенский подпоручик выступил на широкую арену общественной деятельности. Он сам, быть может, не вполне сознавал громадное значение своего почина. Он учился прилежно, наблюдал внимательно, сопоставлял то, что вычитывал из книг, с тем, что видел в жизни, и из его души вырвался крик отчаяния, который он и занес на бумагу. Один из близких друзей Кантемира прочитал его стихи, познакомил с ними ценителя литературных произведений Феофана Прокоповича, и первая русская сатира пошла гулять по России, будить русскую мысль и совершать великую свою службу перед отечеством.

«Наука ободрана, в лоскутах обшита», «Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим», – если такие меткие стихи

превратились в поговорки, стали «ходячей монетой», то, значит, они возбуждали соответственные чувства, представляли из себя отклик лучших стремлений нашего общества, уясняли многим то, что смутно таилось в их душе. Трудно проследить влияние слова, как трудно проследить переход монеты из рук в руки, пока она не изотрется, не сделается негодной. Но сколько на нее будет куплено, скольким потребностям она удовлетворит, – это остается скрытым; и тем не менее всякий сознает, что она совершила свое дело. То же можно сказать о метких словах, пущенных в обращение нашим первым сатириком. Сколько утешения они доставили тем, кто томился духовной жаждою, кто искал отклика на лучшие стремления своей души, кто с упованием и верою ожидал более светлого будущего. Теперь монета, пущенная в обращение Кантемиром, в значительной степени истерлась, но монета эта была вычеканена из чистого золота, из металла, по свойствам своим не уступавшего металлу, из которого чеканили свои монеты позднейшие, более близкие нашей душе писатели, начиная с Фонвизина и кончая Салтыковым.

Если мы сделали подробные выписки из первой сатиры Кантемира, то потому, что в ней отразились основные стремления автора. Дальнейшие его сатиры представляют только дополнение, развитие мыслей, положенных в основание первой сатиры. Кантемир был образованнейшим человеком своего народа и своего времени; мало того, он и в нравственном отношении стоял высоко над окружавшими его людьми. Такой человек имел не только возможность, но и право подвергать критике существовавшие порядки и общество, в котором он жил. К тому же критика эта была не бесцельна. Ясны были те идеалы, во имя которых он критиковал; ясны были стремления, за которые он боролся, ясна была цель, к которой он шел. Поразительная же его наблюдательность служила порукою, что он не пропустит ни одного существенного явления, ни одного тормоза того просветительного дела, которому он себя посвятил. Сатиры его служат ясным доказательством всеобъемлющего характера его критики. Прежде всего его занимает народ. «О бездне суеверий списать силы столько нету». «Мужик, который соху оставил недавно, аза в глаза не знает и болтун исправно, а прислушайся, что врет и что его вздоры». Не устает Кантемир указывать на невежество народа как на основную причину всех бедствий, им претерпеваемых. Вторая причина – пьянство, которое наш сатирик бичует неослабевающей рукою. «При взгляде я первом чаял, что мор у вас был; да не пахнет стервом… Пьяны те, кои лежат, прочи не трезвее, не обильнее умом – ногами сильнее».

«Сегодня – один из тех дней свят Николаю, для чего весь город пьян от края до краю». Но если народ коснеет в невежестве, основной причине всех его бедствий, то вполне ли это понятно? «Петр… училища основал… Был тот труд корень нашей славы… Но скоро полезные презренны бывают дела, кои лакомым чувствам не ласкают». Дело Петра осталось недовершенным, и после него настало время, когда «наука ходит ободранная», школ нет, просвещение не делает успехов. Подают ли высшие сословия пример народу? Если он коснеет в невежестве, если, как писал Посошков, «на Москве разве сытый человек знает, что то есть православная христианства вера, или кто Бог, или что есть воля Его, а если в поселениях посмотреть, то истинно не чаю из десяти тысяч обрести человека, который хотя малое что об этих вещах знал», – то можно ли этому удивляться? «Да что сим дивиться? – спрашивает Кантемир. – Вон на пастырей взглянем, так тут-то уж разве дивиться устанем». Заглянем в церковь. «Церковь иль пуста, иль полна однеми, кои казаться пришли, иль видеться с теми, которых инде нельзя видеть столь свободно. Молитвы, что поп ворчит, спеша сумасбродно, сам не знает, что поет, кто-кто примечает». «Хочет ли кто божьих слов в церкви поучиться от пастыря», то что он услышит? «Не ученьем здравым и умным, но суеверным и мозгом своим, с вина шумным, плетет без рассмотру и без стыда враки». В сильных выражениях и образах Кантемир клеймит и обжорство, и страсть к вину современного ему духовенства. У него народ ничему не может поучиться. А купечество? «Не столько зерн, что в снопах мужик в день навяжет, не столько купец божбы учинит в продаже товаров через целый год». «Праздник в пьянстве провождал, но продавал в будни воду, что в вино вливал в праздник пополудни». Словом, обман – вот на чем держится торговля. Не лучше и дворянство. «О, когда б дворяне так наши свои знали дела, как чужие он. Не столько б их крали дворецкой с приказчиком и жирнее б жили и должников за собой толпу б не водили». К практическому делу они совершенно неспособны, предаются, как и попы, обжорству и пьянству: «И сколь подобен скоту больше становится бессмысленну, столько он больше веселится». А между тем мнит себя и больше и лучше других. «Мнит он, что вещество то, что плоть ему дало, было не такое же, но нечто сияло пред прочими; и была та фарфорна глина, с чего – он, а с чего мы – навозная тина». «Дивится немало, что главно правление всего государства царь давно не дал ему во знак благодарства». Какой пример подает, наконец, народу и администрация? «Сколько, знаешь ли, в подарках исходит судье, дьяку и писцу, кои пишут, правят и крепят указы мне? И сколько заставят в башмаках одних избить, пока те достану?» Кантемир не

останавливается на низшей администрации: он бичует и вершины. «Болваном Макар вчерась казался народу, годен лишь дрова рубить или таскать воду… И сегодня временщик: уж он всем под пару честным, знатным, искусным людям становится». Мало того, как мы уже видели, Кантемир обращается со словом правды и к прямым представителям власти. «Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским, буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским». Ему чудится время, когда «чин и правда» будут цвести «в пользу люда», когда в суде «страсти не будут качать весы», когда «слезы бедных не будут падать на землю», когда «всякий будет в общей пользе чаять собственную».

Мы в общих чертах восстановили в памяти читателя содержание Кантемировых сатир. Они написаны в течение десяти лет (1729–1738 гг.), но их содержание одинаково; они проникнуты одним и тем же духом, который мы и старались охарактеризовать. Кантемир – гвардейский подпоручик и Кантемир – представитель России в Лондоне и Париже – это одно лицо, ничем не изменяющее себе ни в общем, ни в частностях. Он был цельною натурой в полном значении этого слова. Как он понял свою жизненную задачу в ранней молодости, так понимал ее в течение всей жизни. Чужды ему были увлечения. Редкий писатель достигал уже в молодые годы такого уравновешенного ума. «Любовны песни писать, я чаю, тех дело, коих столько ум не спел, сколько слабо тело». «Знаю, что когда хвалы принимаюсь писать, когда, муза, твой нрав сломить стараюсь, сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый, с трудом стишка два сплету, да и те неспелы… А как в нравах вредно что усмотрю… чувствую сам, что тогда в своей воде плавлю и что чтецов я своих зевать не заставлю; проворен, весел спешу, как вождь на победу или как поп с похорон к жирному обеду».

В этих стихах сам Кантемир чрезвычайно метко охарактеризовал свою литературную деятельность. Его любовные стихи, писанные в очень ранней молодости, пропали для потомства: они даже не найдены. Хвалы, которые он писал сильным мира сего по большей части в виде посвящения, следовательно, с целью дать ход своим произведениям, напоминают собою оды прошлого столетия или, точнее говоря, являются их прототипом, хотя, в отличие от других од, содержат в себе, как мы видели, иногда и едкую правду. Но его сатиры, эпиграммы, басни дают нам точное представление о таланте и основных целях нашего сатирика. Чтобы яснее понять эти цели, мы возвратимся к прерванному нами жизнеописанию Кантемира.

Мы указывали уже, что в царствование Петра II Кантемир несправедливо был лишен отцовского наследства. Годы эти были

тяжкими для него не только в этом смысле, но, как ясно видно из его произведений, главным образом потому, что дело Петра, которым он дорожил как своим собственным, было в корне подорвано. С каждым новым царствованием надежды Кантемира воскресали: он приветствовал каждое из них как зарю возрождения петровской реформы. Когда умерла Екатерина I, когда свергнут был Меншиков, когда Долгорукий и Голицын захватили бразды правления в свои руки, казалось, что петровская реформа будет вычеркнута из истории, что восторжествуют те, которые усматривали в ней одно лишь зло. Для таких деятелей, как Прокопович или Кантемир, это было равносильно утрате всякой надежды на лучшее будущее, и притом не только с их личной точки зрения, но и с точки зрения гражданских успехов отечества. Чтобы уяснить себе, на что они рассчитывали в это смутное время, когда «сын царский немногим разнился в нравах с гнусным псарским», мы должны ясно представить себе положение тогдашней России, уяснить себе, от каких элементов общественных и политических она могла ожидать спасения. Много ли было тогда в ней образованных людей, преданных общественной пользе? И лучший знаток тогдашнего времени насчитает их весьма мало. Прокопович, Кролик, Посошков, Кантемир, Татищев и немногие другие – вот все более или менее просвещенные люди того времени. Но государственная власть находилась не в их руках, не они давали направление государственным делам. Вся власть сосредоточивалась в

руках Верховного совета, состоявшего из восьми членов: четырех Долгоруких, двух Голицыных, Головкина и Остермана. Но управлял всеми делами, собственно, один лишь Дмитрий Голицын, пользовавшийся как орудием фаворитом Петра II, Иваном Алексеевичем Долгоруким. Мы о последнем уже говорили, указывали, как он по ночам, «словно исступленный», врывался во главе драгунов «в честные дома» – «гость досадный и страшный». Вот как, со своей стороны, характеризует его Кантемир:

Сей новый Менандров друг Ксенон назывался,
Коему и власть, и чин высокий достался.
В двадцать лет, юность когда и в узде ретива…
Неумерен в похоти, самолюбив, тщетной
Славы раб, невежеством наипаче приметной;
На ловле с младенчества воспитан с псарями,
Век ничему не учась, смелыми словами
И дерзким лицом о всем хотел рассуждати

(Как бы знание с властию раздельно бывати
Не могло), над всеми свой совет почитая,
И чтительных сединой молчать заставляя,
Хотя искус требует и труды, и лета.
Довольно об нем; одна та его примета
Дураком кажет.

Но этот «дурак» был благодаря благоволению к нему Петра II влиятельнейшим человеком в государстве и слепым орудием в руках Голицына. Все остальные члены Верховного совета, не исключая и умного Остермана, занимавшего тогда выжидательную позицию, трепетали перед Голицыным, опасаясь за свое имущество и даже жизнь. Когда ребенок на престоле внезапно умер от оспы и речь зашла о его наследнике, о том, кто займет его престол, князь Голицын на вопрос, кого избрать, ответил: «Кого изволите, только надобно себе *полегчить»,* – и когда его спросили, что он под этим разумеет, пояснил: «Так полегчить, чтобы *воли себе прибавить».* Слова эти могли быть истолкованы в различном смысле. Возникал вопрос, кому, собственно, надо «воли прибавить?» Всякому предоставлялось думать, что именно ему. Но Голицын, как ясно видно из кондиций, предложенных Анне Иоанновне, имел в виду Верховный Тайный совет, т. е. себя самого. Он опасался, что со вступлением на престол герцогини Курляндской может восторжествовать немецкая партия.

Анна Иоанновна, правда, будет обязана ему престолом, но чувство благодарности не всегда прочно, или, как говорит наш историк, «Голицын знал, что сначала будут благодарны, но потом какой-нибудь сын конюха русского или курляндского через фавор оттеснит первого вельможу на задний план; надобно дать вельможеству самостоятельное значение». В таком духе и были составлены знаменитые кондиции, предложенные будущей императрице; власть ее была подчинена Верховному совету, т. е. Голицыну, и только для виду была сделана ссылка на «шляхетство», т. е. дворянство. Кондиции были посланы Анне Иоанновне в такой момент, когда в первопрестольной столице собралось по случаю ожидавшегося бракосочетания Петра II с сестрой его фаворита, княжною Екатериной Долгорукой, все знатное «шляхетство». И что же мы видим? Как только разнеслась весть о затее Тайного совета, тотчас же произошло сильнейшее волнение, и обнаружилось большое недовольство. Но Голицыну удалось сдержать его. Сенат, генералитет, представители дворянских фамилий, – все это собиралось, волновалось, кричало,

но оказывалось бессильным перед волей Голицына. Вот что пишет Прокопович по поводу собрания, в котором одобрены были кондиции: «Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, таковые слушав, не содрогнулся, и сами тии, которые всегда великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики; шептания некие во множестве оном прошумливали, а с негодованием откликнуться никто не смел. И нельзя было не бояться, понеже в палате оной, по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство». Таково было собрание, одобрившее кондиции. Понятно, что при таких условиях одобрение это не могло быть прочным, и тотчас же начались сомнения, колебания. Сенаторы, генералы, шляхетство раздробились на партии, из которых главными были кружки князей Барятинского и Черкасского; душою же первого был наш известный историк Василий Никитич Татищев, а второго – Кантемир. Но были и многие другие кружки, и все они с одинаковою горячностью обсуждали поднятый Верховным советом вопрос. Вопрос этот, собственно, касался будущей формы правления, на самом же деле речь шла о том, как бы «себе полегчить», по меткому выражению Голицына, а «полегчить» себе означало не только «прибавить себе воли», но и – главное – свалить с себя многочисленные государственные повинности, возложенные на дворянство русскими царями вообще и в особенности Петром I. Это отлично понял Голицын, который, ограждая в кондициях права Верховного Тайного совета, в то же время выговаривал облегчение повинностей, возложенных на шляхетство, ни единым словом не упоминая о том, что и остальные сословия несут тяжкие повинности. Во всем этом движении, вызванном знаменитыми кондициями, нет духа солидарности всей земли русской перед государственною властью; есть лишь забота шляхетства о своем благополучии. Голицын думал опереться именно на шляхетство, вызвать в нем убеждение, что он, т. е. Верховный Тайный совет, сумеет оградить материальное его положение полнее и лучше, чем царская власть, налагавшая на дворянство все новые тягла и сокращавшая его права и привилегии. Но тотчас же обнаружилось, что дворянство именно Голицыну не доверяет и относится чрезвычайно скептически к деятельности Верховного совета. Этому нельзя было не удивляться. Несомненно, Голицын представлял из себя плоть от плоти, кость от костей древнерусского боярства, несомненно, он сознавал объединявшие его интересы; мы даже не станем отрицать, что до известной степени Голицын как один из самых образованных представителей этого дворянства был человеком идеи, защитником и поборником аристократического

принципа; но в то же время он далеко не был безупречным в нравственном отношении человеком: запятнал свою личность корыстолюбивыми поступками, в том числе такой вопиющей несправедливостью, как лишение нашего сатирика принадлежавшего ему по праву отцовского наследия. Несмотря на троекратное постановление сената о выдаче из наследства князя Дмитрия Кантемира четвертой части вдове его, благодаря проискам того же Голицына, и мачеха Антиоха не могла добиться своего законного права. Мы не станем приводить здесь других аналогичных фактов, так как и упомянутые достаточно характеризуют всемогущего временщика. Очевидно, такой деятель не мог возбуждать к себе доверия, и дворянство отнеслось к нему скептически, предпочитая решить назревший вопрос самостоятельно. Мы видим, что в многочисленных кружках, обсуждавших его, были составлены разнообразные проекты пересоздания политического устройства нашего отечества: проект сената и генералитета, Мамонова, Алабердеева, Мусина-Пушкина и других; кроме того, сюда же относятся конспект шляхетских совещаний, проект тринадцати и «способы, коими, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное, столь важное и полезное всему народу дело» – с добавлениями к нему. Мы не можем входить здесь в обсуждение всех этих проектов, но должны указать на основную их мысль. Прежде всего нас поражает, что ни один из них не касается сущности власти Анны Иоанновны и не упоминает ни о самодержавии, ни об ограничении монархической власти. С другой стороны, видно, что составители этих проектов чрезвычайно озабочены другим вопросом, именно вопросом о том, как бы предотвратить наложение на шляхетство новых повинностей, и только с этой точки зрения предлагают разные формы организации центрального правительства. Их занимает еще и другой вопрос: как бы оградить себя от произвола нескольких аристократических фамилий. Таким образом, мы видим, что движение приняло практический характер. С одной стороны, у дворянства живы были в памяти повинности, наложенные на него царской властью, особенно Петром I; с другой стороны, оно убедилось, что не удастся «прибавить себе воли» и в том случае, если во главе правительства будут стоять представители самого дворянства. Следовательно, надо было искать выход, и его многие усматривали в том, чтобы само шляхетство приняло участие в управлении государственными делами. Но на этом и обрывается ясно осознанная цель. Вопрос поставлен был на почву практическую, но, очевидно, составители проектов не знали, как осуществить свою практическую мысль. В

чем должно было заключаться ограничение монархической власти, чтобы оградить себя от произвола одного лица или нескольких лиц, – вот на этот вопрос составители проектов не в силах были дать себе внятный ответ.

Нам не следует забывать, в какое время все это происходило. Это было тогда, когда в западной Европе вопрос о конституционной форме правления еще не возбуждался, когда Монтескье, будущий друг нашего сатирика, только еще писал свое знаменитое сочинение, в котором он воспользовался английским государственным строем, весьма и ему, впрочем, малознакомым, чтобы положить начало конституционному движению, нашедшему себе столь яркое выражение почти шестьдесят лет спустя во время первой французской революции. Ни Гуго Гроций, ни Пуффендорф, на сочинениях которых воспитывались тогдашние образованные политические деятели, еще не касались этого впоследствии столь жгучего вопроса. Об общественном договоре, о знаменитом «contract social» не было еще и речи. Вообще же политическая теория не играла и сотой части той роли, какую она играла впоследствии, когда восторжествовали принципы философии восемнадцатого века. Народы или, точнее говоря, правящие классы: бюрократия, духовенство, дворянство, – решали разные государственные вопросы, сообразуясь не с той или другой теорией и даже редко с общими государственными интересами, а лишь с собственными задачами, которые отождествлялись с общегосударственными. В частности, в России существовало следующее положение дел: все, что было просвещенного в стране, все, что умело забывать о себе и жить для пользы народной, сомкнулось вокруг Петра I, увлеченное его грандиозной реформаторской, скажем даже, революционной деятельностью, потому что он один выступил решительным борцом против вековых предрассудков, векового неустройства, вековых несправедливостей, нарушая во многом заветы, предания и законы старины. Как в ранней молодости он не испугался стрельцов и расправился с ними, так он всю жизнь боролся с отжившею стариною во имя просвещения, во имя общегосударственных интересов, во имя цивилизации. Его гениальный образ воодушевлял всех, кто боролся за те же блага. Много ли было в России, однако, таких людей? Кантемир, один из этих немногочисленных борцов, озирался вокруг и испытующим оком высматривал единомышленников, товарищей по оружию. Но где было их найти? В дворянстве, которое он так горько осмеял, которое «каменной душою било холопа до крови» и не понимало, что «и в свободных, и в холопях течет та же кровь», что у них «та же плоть, те же кости»; в духовенстве, среди

которого было так мало представителей истинного просвещения и которое нравами своими не отличалось от остальных классов населения; в купечестве, которое жило одним обманом; в народе, когда на Руси господствовало еще рабство в очень тяжелой форме? Кантемир вывел в своих сатирах целую галерею общественных деятелей, списанных с натуры. Он не преувеличивал, не впадал в шарж, а между тем, что это были за деятели? И теперь еще они в его изображении стоят как живые перед нами. И где же они действовали? В столице, в тех общественных сферах, которые имели наибольшее влияние на правительство. Итак, с одной стороны величественная фигура Петра, с другой – вся эта масса людей, жизнь которых представляла такую безотрадную картину внизу, в глубине народных масс, и возмущала душу наверху, в общественных кружках, влиятельных, блиставших богатством и роскошью, внешними признаками цивилизации, но не истинным просвещением, не нравственными качествами, не тем, чем только и дорожил наш сатирик.

Не забудем, кроме того, что, когда речь заходила о форме правления, о предоставлении дворянству более широких политических прав, русские просвещенные люди обращали внимание не столько на теорию, сколько на живой пример соседней страны, Польши. Польские дворяне, которые именно там назывались шляхетством, довели уже во второй половине семнадцатого века государство до анархии, и даже таким выдающимся королям, как Ян Собесский, не удалось спасти страну вследствие вольностей, предоставленных дворянству в прямой ущерб общегосударственным интересам и народному благу. Представители нашего «шляхетства» могли с завистью поглядывать на польскую шляхту, но действительно просвещенные русские люди не могли не содрогнуться при мысли о том, что Россию постигнет судьба Польши. К числу таких людей принадлежал и Кантемир. Он сердцем сокрушался при виде того, что сталось с властью, которая в руках Петра дала такие блестящие результаты; но тем не менее он не изверился в этой власти: с каждым новым царствованием возрождались его надежды, что воскреснет дух великого Петра, «его же сердцами великим и отцом звал больше, чем устами, народ», – тот народ, для которого боролся и сам Кантемир, громко возвышавший голос за «равенство пахаря и вельможи в суде», за «превосходство одной правды». Он верил в эту власть, верил, что рано или поздно она окажется в руках достойных, или, во всяком случае, сомневался, что шляхетство, владевшее крепостными, сможет обеспечить равенство всех граждан (Кантемир первый заговорил у

нас о гражданине) в суде и перед законом. Он сам слишком близко присмотрелся к этому шляхетству, слишком сильно пострадал лично и в своих самых священных чувствах, любви к просвещению и отечеству, от его управления государственными делами, чтобы желать его политического торжества. Тогда бироновщина еще не народилась; она, правда, стояла уже на пороге, но еще не правила. Притом вопрос заключался в том, кому быть правителем: Голицыну или отпрыску Петра?

В этот момент мы видим, что еще не достигший совершеннолетия Кантемир принимает решительное участие в государственных делах. Когда в разных кружках начали составлять проекты переустройства государственной власти, потребовались люди пера, а их было так мало тогда в России. Главным действующим лицом в этом отношении выступил Татищев, и к нему немедленно всей душою присоединился Кантемир. Самый полный и обстоятельный проект будущей политической организации России был представлен Татищевым; адрес об упразднении Верховного Тайного совета и об отмене кондиций написан Кантемиром. Оба действовали в тесном союзе с Феофаном Прокоповичем. Таким образом, просвещеннейшие люди той эпохи соединились, чтобы отвергнуть кондиции, предложенные временщиком Голицыным для упрочения власти Верховного совета.

Мы не можем остановиться здесь подробно на мнении Татищева. Он решительно высказался против кондиций и ограничения монархической власти путем такого учреждения, каким был Верховный Тайный совет. Он доказывал, что от Рюрика до Мстислава Великого, от Ивана III до Петра, т. е. в такое время, когда государственная власть была сильна, страна процветала, и наоборот, в удельно-вечевой период, в смутное время она находилась в упадке. Идеал же государственного устройства он видел в преобразованной Петром Великим России. Эти мысли вполне разделялись Кантемиром. Татищев составил проект решения вопроса в этом духе. В кружке же князя Черкасского этот проект был встречен не очень дружественно, но тут Кантемир долго убеждал членов принять его, «довольно со многими рассуждая», и уговорил некоторых подписать челобитную в духе Татищева, которую он тут же набросал. Она была привезена в дом князя Барятинского, где ее подписали 74 человека; затем, уже поздно ночью, оба кружка соединились в доме князя Черкасского, где шляхетство ожидало исхода подписания документа. Тут собрался и генералитет, и челобитная быстро покрывалась подписями. Кроме того, Кантемир и граф Матвеев отправились в гвардейские и кавалергардские казармы и нашли там

единомышленников. На другой день в аудиенц-зале дворца собралось все знатное шляхетство и под предводительством князя Ивана Юрьевича Трубецкого, отца второй жены бывшего молдавского господаря, вручило императрице составленную и прочитанную тут же Кантемиром челобитную следующего содержания:

> «Всепресветлейшая, державнейшая, великая Государыня, императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская. Когда Ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лучшего утверждения и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем к благодарению за превосходную Вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, какое от нас должность требует, побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарсгва всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к Вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные Вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнейше Ваше императорское величество просим, чтобы соизволили сочинить вместо Верховного совета и высокого сената один правительствующий сенат, как при Его величестве блаженной памяти дяде Вашего императорского величества Петре I было, и исполнить его довольным числом 21 персоною; такожде ныне в члены и пред на упалые места в оный правительствующий сенат, и в губернаторы, и в президенты повелено бы было шляхетству выбирать баллотированием, как при дяде Вашего величества Его императорском величестве Петре I установлено было; и притом всеподданнейше просим, чтобы по Вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для предбудущих времен ныне установить». Конец челобитной гласит: «Мы напоследок Вашего императорского величества всепокорнейшие рабы надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и в облегчении податей по природному величества Вашего благоутробию призрены не будем, но во всяком

благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем. Вашего императорского величества всенижайшие рабы». (Следуют подписи 166 человек.)

Последняя фраза этой челобитной о «тихом и безопасном житии во всяком благополучии и довольстве» ясно выдает автора сатиры, начинающейся словами:

Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен,
В тишине знает прожить…

В этот решительный момент Кантемир, несмотря на бурю, разыгравшуюся вокруг него, несмотря на тревожное и грозное время, так тяжело отразившееся на нем, мечтает о тихой и безопасной жизни, мечтает о ней в дни Меншикова, Долгоруких, Голицына и приближавшегося уже Бирона! И что служит ему гарантией этой «тихой и безопасной жизни»? Он верит, что чувство благодарности обеспечит «благорассудное правление, правосудие и облегчение податей»; он верит, что нет более совершенной формы государственного устройства, как придуманная великим нашим преобразователем. Основной смысл челобитной заключается в том, чтобы возвратиться к порядкам, установленным Петром I, к правительствующему сенату, к выборным губернаторам и президентам, к тому государственному строю, который начертан был для России величайшим ученым и философом своего времени Лейбницем. Интересен еще и следующий факт. Результаты челобитной вскоре выяснились: настала бироновщина, правительственная власть оказалась в руках внука курляндского конюха, правосудие было попрано, вместо облегчения податей наступило время выколачивания их силой, и тем не менее как Татищев, так и Кантемир остались верными выраженному, первым – в проекте, а вторым – в челобитной, принципу. И Татищеву, и Кантемиру пришлось немало лично пострадать от бироновщины, в особенности первому. Как люди умные, образованные и наблюдательные, они не могли не видеть вреда, вызванного их политическими тенденциями, но они остались верны себе до конца жизни. Чем это объяснить? Как мы уже указывали, примеры другой политической организации еще не существовали; затем, они все надеялись, что народится новый Петр, т. е. что государственная власть окажется опять в руках людей даровитых. Такие надежды лелеяли не только Татищев и Кантемир, но и все просвещенное русское общество, возлагая их и на Анну Иоанновну, и на

Елизавету Петровну, пока они отчасти не оправдались на Екатерине II. Кроме того, ни Прокопович, ни Татищев, ни Кантемир не видели еще в русском обществе тех личностей, которые могли бы принять на себя нормальное управление страной, будучи всецело преданными общественному и государственному благу. Они чувствовали полное свое одиночество в этом отношении и сознавали, что существует только одна сила, которая могла бы способствовать появлению таких лиц, что эта сила создана историей и заключается в государственной власти. Они сознавали, что разумнее всего сделать эту власть достоянием не того или другого общественного класса, преследующего более или менее своекорыстные цели, вроде духовенства, политическое влияние которого было подорвано отменою патриаршества, или «шляхетства», которое, как показывал пример других стран, в особенности Польши, доводит государство до разложения, а лиц, исключительно заинтересованных в общем благополучии как основе собственного влияния. Наконец, их уму в отдаленном будущем рисовалась уже картина уравнения «пахаря и вельможи» перед законом, и они смутно сознавали, что эта коренная реформа не может быть совершена мирно или будет отсрочена навеки, если все государственное имущество сосредоточится в руках «шляхетства» и над ним не будет существовать высшей силы, олицетворяющей собою все то, что живет для общей пользы.

Как бы то ни было, мы видим, что в этот важный момент, впервые, быть может, в России, светское образование, люди литературы и науки выступают в некотором роде вершителями судеб царства и царей. Петр Великий как представитель монархического принципа не имел в гробу причин раскаиваться, что он всю силу своей власти основал на просвещении. Кто отстоял в смутное время Петра II, в эпоху разнуздавшихся шляхетских страстей, достоинство и прерогативу государственной власти? Кто были эти люди, вышедшие из ничего и постоявшие за нее? Гвардейский подпоручик полуиноземного происхождения, горный чиновник, только благодаря знаниям достигший поста губернатора. И вот в момент, когда государственная власть поколеблена, когда государственные дела приходят в полное расстройство, эти люди вдруг выступают и упрочивают ее. Не их вина, если руки, которым она была доверена, не сумели на первых порах ею воспользоваться на благо отечества, если наступило не продолжение царствования Петра, а бироновщина, если новый временщик оттеснил от государственного влияния тех, кому он

косвенно был обязан своим незаслуженным возвышением. Против Татищева, как известно, был возбужден позоривший его процесс, а Кантемира поспешили почетным образом удалить за границу, разлучив его навсегда с отечеством. Но, вспоминая эту страницу русской истории, мы должны признать, что не просвещение, а «шляхетство» восстало против государственной власти, как просвещение и в позднейшее время не восставало против нее, а оказывало ей всевозможное содействие всякий раз, когда успехи цивилизации были основной ее целью.

Глава IV

Расцвет литературной деятельности Кантемира. – Преследование его книги «О множестве миров». – Как Кантемир был вознагражден за участие в государственном перевороте. – Эзопов язык. – Девятая сатира. – Кантемир и княжна Черкасская. – Почему их брак не состоялся. – Отъезд Кантемира в Лондон

1730 год был годом наибольшего развития таланта и литературной деятельности Кантемира. В этом году он написал третью сатиру «О различии страстей человеческих», посвященную Прокоповичу (две первые – «На хулящих чтенье» и «На зависть и гордость дворян злонравных» – написаны им уже в конце 1729 года), несколько эпиграмм, а также «Петриду, или описание стихотворное смерти Петра Великого» (написана только первая книга). В этом же году он перевел книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», снабдив ее обстоятельными примечаниями, переложил два псалма и написал ответ в стихах на знаменитое стихотворение Прокоповича: «Плачет пастушок в долгом ненастий». Таким образом, конец 1729 года и 1730-й являются годами наибольшей плодовитости Кантемира, и, во всяком случае, в этот ранний период своей жизни он проявил наиболее *кипучую* деятельность. Большой биографический интерес представляет в связи с событиями того времени его ответ на упомянутое стихотворение Прокоповича. В нем знаменитый пастырь нашей церкви, как известно, жалуется на то, что «ни с каких сторон света не видно, все ненастье», что «прошел день пятый (т. е. пятый год после смерти Петра), а вод дождевых нет отмены». Кончает свою элегию Прокопович следующим воплем:

Потчися, Боже, нас свободити
От печали,
Наши нас дети к Тебе вопити
Научали.

В своем ответе, озаглавленном: «Epodos consolatoria»,[1] Кантемир утешает Прокоповича наступлением шестого дня и пророчит ему седьмой день, «полный любого покоя». Сам о себе он говорит, что он, «лишенный стадца, хижины, нивы, бродит меж пастушками, несчастливый», и просит Прокоповича, когда

настанет этот седьмой день, «не забыть и нам, пастушкам малым, помогать». Из этих двух стихотворений пастыря церкви и сатирика видно, как они томились «ненастьем», наступившим после Петра, и с нетерпением ожидали, чтобы государственная власть опять оказалась в надежных руках. Эта общность их печали (Прокопович, как известно, лично не пострадал от политических перемен), это единение двух лучших представителей духовного и светского происхождения, церкви и литературы, служат, как и вся последующая деятельность нашего сатирика, неопровержимым доказательством, что не личные цели руководили им, когда он восстал против Голицына и «шляхетства», на которое тот думал опереться. Дальнейшее тому доказательство мы видим и в трудах Кантемира того времени. Чем занят его ум в момент, когда происходил переворот, который мог изменить всю его судьбу? Только что написав две сатиры, в которых прославляет просвещение и осмеивает «дворян злонравных», он принимается за третью, в которой продолжает пятнать «злой нрав» общественных деятелей своего времени. Наряду с этим Кантемир прославляет в «Петриде» царя-преобразователя, указывая на него как на пример для подражания. В то же время он находит досуг перевести довольно объемистый труд Фонтенеля, чтобы противодействовать суеверию и распространить верные сведения о мироздании. Перевод этой книги составил своего рода литературное событие, – настолько выводы ее противоречили распространенным суевериям и нелепым рассказам, лежавшим в основе космографии русского общества. Книга Кантемира впоследствии, при Елизавете Петровне, подверглась гонению как «противная вере и нравственности». В своем докладе синод просил запретить ее Высочайшим указом «во всей империи, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами несогласным, под жесточайшим за преступление наказанием не отважился, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную князем Кантемиром… указать везде отобрать и прислать в синод». Тридцатью годами раньше, когда в синоде заседал Прокопович, та же книга была встречена им весьма сочувственно, потому что Прокопович прекрасно понимал, что бороться с суевериями не значит подрывать религиозное чувство. Напротив, Кантемир имел в виду, как он сам поясняет это в предисловии к переводу, только распространить элементарные сведения по физике и астрономии, т. е. содействовать просвещению, и поэтому посвятил свой труд академии наук, которой он сам до некоторой степени обязан был своим образованием и в которой, соответственно намерениям

Петра, видел будущую рассадницу просвещения в России. Таким образом, и в это бурное время, когда наш сатирик принял непосредственное участие в государственных делах и когда решалась его дальнейшая судьба, он, как оказывается, был главным образом озабочен просветительными задачами и продолжал, наряду с самостоятельными литературными работами, дело, начатое еще на семнадцатом году жизни, т. е. ознакомление русских читателей с наиболее, по его мнению, замечательными трудами западной науки и письменности. «Разговоры о множестве миров» были уже третьей такой работой сатирика, только что достигшего гражданского совершеннолетия.

Из самостоятельных работ Кантемира, относящихся к этому периоду, мы должны указать еще на переложение двух псалмов, 36-го и 72-го. И эти переложения свидетельствуют о тогдашнем настроении Кантемира – настроении удрученном, скорбном. Воцарение Анны Иоанновны, после минутной надежды на лучшее будущее, грозило превратиться в простое продолжение прежних двух царствований. Один из биографов нашего сатирика и родственник его, Бантыш-Каменский, пишет, что «императрица, разорвав подписанное ею в Митаве условие, предоставила Кантемиру назначить себе желаемую награду, но что он по скромности своей отказался от всяких наград». Так ли это было на самом деле – не знаем, потому что сообщаемые Бантыш-Каменским сведения оказываются в других отношениях недостоверны. Так, он передает, что денежные затруднения сатирика прекратились тотчас по вступлении Анны Иоанновны на престол, давая этим как бы чувствовать, что Кантемир все-таки был достойным образом награжден. Но из других источников оказывается, что награды вовсе не последовало. Естественная награда могла заключаться в устранении той вопиющей несправедливости, которой подвергся Кантемир в предыдущее царствование, т. е. в восстановлении его прав на отцовское наследство. Но об этом даже не заходила речь. Очевидно, Анна Иоанновна или ее советники не решались еще навлекать на себя неудовольствие только что свергнутого временщика Голицына, нуждаясь на первых порах в его поддержке. С другой стороны, они, очевидно, не доверяли Кантемиру, несмотря на то, что он подписал челобитную о восстановлении самодержавия: должно быть, они не признавали его своим человеком, а может быть, даже опасались его способностей, широкой образованности и политических влияний. Это предположение представляется тем более вероятным, что уже в царствование Петра II зашла речь о том, чтобы удалить Кантемира за границу, назначив его представителем России при одном из западных дворов. Но тогда

эта мысль была оставлена, потому что было действительно неловко назначить восемнадцати или девятнадцатилетнего юношу на такой видный пост.

Как бы то ни было, мы видим, что о награждении Кантемира за его участие в деле уничтожения кондиций не было и помину, но что тотчас же по вступлении Анны Иоанновны на престол снова зашла речь об удалении Кантемира из Петербурга. Мы имеем на это указание в четвертой его сатире, написанной в начале 1731 года. В первоначальной своей редакции она заключается следующими словами:

В чужестранстве ль буду жить или над Москвою,
Хоть муза моя всем сплошь имать досаждати,
Богат, нищ, весел, скорбен, – буду стихи ткати…
Проче в сатиру писать вовеки не престану,
Разве в жидах не станет денег и обману,
Разве пьяных в масляной неделе не будет
И целовальник в вино воду лить забудет.

Значит, Кантемир уже в начале 1731 года, т. е. вскоре после вступления Анны Иоанновны на престол, чувствовал, что его намерены удалить, что ему придется жить в «чужестранстве». Вообще, эта сатира, в которой автор обращается к своей музе с вопросом: не пора ли бросить сатиры, так как они многим неприятны и кажутся чересчур смелыми, – проникнута элегическим тоном и опасением, что придется умолкнуть, что времена настали неблагоприятные. Уже в обращении к читателям он просит их «не гневиться его стихами», так как он говорит только со своей музою и до другого ему нет дела. Затем, продолжая обращаться к своей музе, он говорит:

Всякое злонравие тебе неприятно, Смело хулишь, а к тому и говоришь внятно; Досаждать злым вся жадна, – то твое веселье; А я вижу, что в чужом пиру мне похмелье.

Действительно, Кантемир говорил слишком «внятно», особенно в этой сатире, в которой он спрашивает свою музу, не пора ли умолкнуть.

Музо, свет мой, стиль твой мне, творцу, ядовитый,
Кто бить всех нахалится, часто живет битый;
И стихи, что чтецов всех насмех побеждают,
Часто слез издателю причина бывают.
Знаю, что правду ищу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравиях плачу.
Да правда редко люба и часто некстати,

Кто же от тебя когда хотел правду знати?

Затем сатирик указывает на Персия, Ювенала, Горация, называет их стихи, в противоположность своим, «дозрелыми, а не сырыми».

В них шутки вместе с умом цветут превосходным
И слова гладко текут, как река природным
Током, и что в речах кто себе зрит досадно,
Не в досаду себе мнит, что сказано складно.
И, обращаясь снова к своей музе, автор спрашивает:
А в твоих что таково? Без всякой украсы
Болкнешь, что не делают чернца одне рясы.
Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?
Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях,
И недруг сущий смертный, тщись другом казаться,
Если хочешь нечто быть и умным назваться.

Автор сознает свое бессилие. Он не может «прятать желчь в груди»:

Не могу никак хвалить, что хулы достойно;
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то в устах, что в сердце иметь я не знаю:
Свинью свиньей, а льва львом просто называю.

Но, тем не менее, как ни опасно, как ни невыгодно называть «льва львом, а свинью свиньею», автор не намерен отказаться от сатиры.

Есть о чем писать, была бы лишь к тому охота.
Было б кому работать, – без конца работа.

Ни одна сатира не дышит таким сильным гражданским чувством, не исполнена, несмотря на элегический тон, таким мужеством; ни в одной сатире сила и образность речи не проявляются с таким блеском, как в этом простом обращении Кантемира к своей музе, в этой твердой его решимости «ткать стихи», писать сатиру, несмотря на все невзгоды до тех пор, пока «на масляной не будет пьяных», на том простом основании, что «не писать мне нельзя: не могу стерпети».

Но что Кантемир именно в это время завел речь о том, что благоразумнее было бы бросить перо, служит подтверждением нашей мысли о полном разочаровании, постигшем его после воцарения Анны Иоанновны. Но мы должны и тут заметить, что это разочарование, как по всему видно, касалось не столько его лично, сколько того направления, которое приняли государственные дела. Он, правда, сам не принимал в них участия, оставаясь лишь гвардейским поручиком, но он, конечно, хорошо был осведомлен обо всем, что происходило при дворе, и его взгляд на тогдашнее положение дел ясно выразился в переложенных им псалмах. И тут проявляется угнетенное состояние духа. Поэт не довольствуется простым переложением псалмов, а вплетает в них многие мысли, имеющие тесную связь с тогдашним положением дел. Именно в это время он пишет, что «сильно злонравные давят бедных без причины», что «ядом уст их и клеветами земли полны»; именно в это время он вспоминает, как «злобных карает жестоко гнев божий».

Я не одного видел истукана
Гордого, яко кедр с горы Ливана,
И только прошел (сие правда иста),
Искал, где он был, и не сыскал ме(и)ста.[2]

Значит, в это время Кантемир уже предугадывает появление Бирона. На его глазах, действительно, падал не «один истукан, гордый, как кедр Ливана»: пал и Меншиков, и Голицын, и Долгорукий, – и Кантемир утешает себя тем, что так же свергнут будет и нарождающийся новый «истукан».

Но еще больше, чем в переложении псалмов, выразился взгляд Кантемира на тогдашнее положение дел в сочиненных им в то время баснях. Этими баснями он проложил путь дальнейшим нашим баснописцам, Хемницеру, Измайлову, Крылову, был, так сказать, родоначальником нового у нас вида поэтического творчества и, в то же время, эзопова языка, к которому поневоле пришлось так часто прибегать нашим писателям вплоть до новейшего времени. Вступлением к этим басням служит написанная в эти же годы десятая эпиграмма «На Езопа». В ней встречаются, между прочим, следующие стихи:

Не прям будучи, прямо все говорить знаю, —

и другой, еще более выразительный в этом отношении стих:

Много дум исправил я, уча правду ложно.

Очевидно, Кантемир убедился, что невозможно «всякому давать имя, какое пристойно», и «просто называть свинью свиньей, а льва львом». И вот он начал прибегать к эзоповой речи, чтобы учить «правде ложно». С этой точки зрения его басни чрезвычайно характерны. Истинный смысл их так ясен, если принять во внимание тогдашнее положение дел, что мы удивляемся, как такой тонкий ценитель произведений Кантемира, каким был покойный Стоюнин, мог придать им совершенно неверное толкование. Первая из этих басен – «Огонь и восковой болван». Искусный *восколей* чрезвычайно удачно и с затратой большого труда отлил восковую фигуру, поразительно походившую на человека. Но беда в том, что он забыл убрать свое произведение подальше от огня, – и воск растаял. Таким образом, «пропал труд, пропало все дело». Стоюнин объясняет эту басню так, будто бы Кантемир хотел этим сделать намек на необходимость удаления Голицына; но судьба Голицына была ведь уже решена в тот момент, когда Анна Иоанновна разорвала кондиции, и только осторожность заставляла ее не вызывать немедленного разрыва с бывшим временщиком. Поэтому нам кажется гораздо вернее толковать эту басню в том смысле, что Кантемира волновали опасения, как бы совершенное им дело, т. е. предоставление всей власти одному, в сущности, малоизвестному лицу, не привело к результатам, прямо противоположным тем, которые имелись в виду им самим и его союзниками, Прокоповичем и Татищевым. Такое толкование произведения вполне подтверждается и следующей за ней второй басней, озаглавленной «Пчельная матка и Змея». Змея подкралась к царице пчел и дает ей советы, как ей управлять подданными. Она ей говорит, что беззлобие царицы ободряет сердца злобных, ибо они видят, что Бог, дав ей корону, не дал ей против врагов защиты и что поэтому все твари могут ей вредить. При таких обстоятельствах змея советует царице пчел испросить себе у Бога жала и заключает свою речь словами:

Никому так, как царю, лютость не пристала.

Но царица не внимает этим советам и отвечает:

От внешних врагов щитят меня мои дети;
Внутренних любовь к своим не даст мне имети.
Изрядно ж Бог в образ мя царям хотел дата,

Чтоб, будучи добрыми, как злым быть не знати.

Этот сильный заключительный стих, где только что вступившей на престол царице наш сатирик советует избегать злобы, быть «доброй», в отличие от других советников, требовавших «лютости» как естественного свойства царской власти, показывает, что Кантемир до известной степени предвидел будущее, что он сильно опасался возрождения тех правительственных приемов, которыми опозорили себя и Меншиков, и Долгорукие, и Голицын. Предвидел это и последний, сказав, что «те, которые заставили его плакать, поплачут еще долее, чем он сам».

Словом, все произведения Кантемира, написанные в это время, ясно свидетельствуют о том, что он сам относился с недоверием к положению, созданному при его непосредственном участии, и что это недоверие имело источником своим не столько заботу о личных интересах, сколько опасение, что дело Петра не найдет себе и на этот раз достойных и умелых руководителей. Подтверждается это и последними двумя сатирами, написанными в этот период, т. е. в окончательной редакции пятой и девятой. В этих двух сатирах едкость пера Кантемира достигает, быть может, наибольшей степени. В своих примечаниях к пятой сатире он говорит, что она «почти вся сделана на подражание Боаловой сатире восьмой с тем различием, что Боало доказывает, что из всех животных человек глупее, а наш автор тщится показать, что не только он глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого урода, которого бы ум вымыслить мог». И затем у него вырываются стихи вроде следующих:

К свободе охотники, впилась в нас неволя,

или:

Речь мою про себя крой, буде в ней какую
Пользу чаешь; не ищи употреблять тую
К исправлению людей: мала к тому сила
Наша с тобой; исправит горбатых могила.
А в девятой сатире он выражается еще сильнее:
Что ж уж сказать о нашем житье межусобном?
Как мы живем друг другу во всяком деле злобном?
Тут глаза потемнеют, голова вкруг ходит,
Рука с пером от жалю, как курица, бродит.
И кончает сатиру следующим воплем:

Так-то сей свет состоит, так всем злым пристрастный,
Всех бедств, мерзости во всем полон, суестрастный.
Еще ж то тут *у* нас нет миллионной доли,
Ибо тое все списать нет силы и воли.

Девятая сатира была последней, которую написал Кантемир до своего отъезда за границу. Затем его литературная деятельность прерывается на несколько лет. Чтобы окончить нашу характеристику этого наиболее замечательного периода жизни Кантемира, нам остается прибавить немного. За свое участие в деле о кондициях он не получил никакого вознаграждения. Только впоследствии благодаря неусыпным стараниям его сестры княжны Марии, ей удалось выхлопотать у начинавшего входить в силу Бирона материальное обеспечение для братьев. Семье Кантемиров было пожаловано в нынешних Нижегородской и Орловской губерниях 1030 крестьянских дворов (но, как водилось в то время, недодано 280 дворов), принадлежавших прежде Меншикову и отобранных у него при его падении. Эти вотчины были пожалованы семье Кантемиров вообще, за исключением, понятно, князя Константина, который уже раньше, как мы видели, получил все состояние отца. В живых были тогда князья Матвей и Сергей, княжна Мария и наш Антиох. Таким образом, на долю последнего пришлось приблизительно 200 крестьянских дворов, т. е. состояние более чем умеренное, особенно при тех больших расходах, которые ему пришлось нести как представителю России при первоклассных европейских дворах, получавшему весьма недостаточное содержание. Если же иметь в виду, что князья Матвей и Сергей не принимали никакого участия в деле уничтожения кондиций и что другие участники в этом перевороте были щедро вознаграждены (князь Черкасский, например, получил бесчисленные поместья в нынешней Петербургской губернии, хотя и без того уже был очень богатым человеком), то мы убедимся, что наш сатирик вовсе не воспользовался государственным переворотом для своего личного обогащения и вообще, думая о государственной пользе, как он ее разумел, забыл о себе.

То же пренебрежение к своим материальным интересам он проявил и в другом, чрезвычайно важном для него деле, – речь идет о браке с княжною Черкасской. Дело это по недостатку точных данных оставалось неясным до последнего времени. Так, например, Стоюнин не может уяснить себе, почему этот брак не состоялся, и как бы удивляется, что наш сатирик, с одной стороны, словно его желал, а с другой – подсмеивался над своей

невестой в известных стихах седьмой сатиры:

> Сильвия круглую грудь редко покрывает,
> Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
> Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
> Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
> Бояся досадного в отказе ответа, —
> Такова и матушка была в ее лета.

Действительно, все это может казаться на первый взгляд неясным или противоречивым. Но бумаги, найденные в московском архиве министерства юстиции, бросают свет на все это дело о несостоявшейся женитьбе нашего сатирика. Если судить по переписке между Антиохом и Марией, как будто мысль об этой женитьбе принадлежала не столько самому Кантемиру, сколько его сестре. Не следует забывать, что княжна Мария была, собственно, виновницей и столь печального по своим последствиям для сатирика брака его старшего брата Константина с княжною Голицыной. По крайней мере, в одном из своих писем она себя упрекает в том, что содействовала этому браку, или даже что он состоялся именно по ее почину. Не следует, кроме того, забывать, что княжна Мария как старшая среди детей после смерти матери вообще приняла на себя роль покровительницы всей семьи и устроительницы ее дел. Мы видим, что в письмах к Антиоху она постоянно возвращается к вопросу о его женитьбе на Черкасской. Брак этот действительно не мог не представляться заманчивым для ее любящего сердца. Княжна Варвара Алексеевна Черкасская была в тридцатых годах XVIII столетия одною из самых богатых невест в России. Ее приданое оценивалось в 75 тысяч душ, не считая драгоценностей и бриллиантов, составлявших также целое состояние. Кроме того, она отличалась красотою и, как утверждают современники, нравственными достоинствами. Отец ее по воцарении Анны Иоанновны пользовался большим влиянием сперва в качестве кабинет-министра, а впоследствии даже канцлера. Таким образом, этот брак мог не только обеспечить семейное счастье Антиоха, но и вывести его из материальных затруднений, обеспечить его на всю жизнь и открыть ему дорогу к высшим государственным должностям. Добавим к этому, что сам князь Черкасский очень благоволил к Кантемиру и вполне сочувствовал браку своей дочери с ним, хотя, подчиняясь влиянию жены, расположен был выждать назначения его на какой-нибудь видный пост. К тому же князь Черкасский был вообще человеком нерешительного характера, вечно колебался, так что княжна

Мария недаром прозвала его «черепахой» и в своих письмах неоднократно выражает желание, чтоб у этой «черепахи» наконец выросли крылья. Значит, настойчивости от князя Черкасского ожидать было нельзя; но несомненно, что он возлагал большие надежды на Кантемира и вполне сочувствовал его сватовству, отказывая всем другим женихам. Чувства самой княжны Черкасской выразились в следующих ее словах: «Я выйду замуж за князя Кантемира; ни мать, ни отец не могут меня удержать от этого». Одна лишь мать невесты не особенно благоволила к нашему сатирику, так как она не считала его достаточно сановитым женихом для своей дочери. Тем не менее и она, как видно из переписки брата с сестрой, колебалась и по временам была очень склонна согласиться на брак, тем более что дочь уже переступила возраст первой молодости и относилась равнодушно к другим женихам. Несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, брак Кантемира с княжною Черкасской не состоялся. Всякий другой жених с более решительными намерениями одержал бы в том же положении легкую победу над встретившимися ничтожными препятствиями. Но Кантемир как будто не только не старался их преодолеть, но даже прямо уклонялся от брака или, во всяком случае, как бы в угоду родителям невесты, старался его отсрочить. Трудно с точностью указать причины, заставлявшие его так действовать, но, в общем, можно восстановить то душевное настроение, которым это объясняется. Прежде всего нельзя предположить, чтобы Антиох действительно питал любовь или даже глубокую привязанность к своей невесте. На это мы имеем много указаний. В своих письмах он называет княжну Черкасскую в шутку «тигрицей», намекая на то, что приручить ее трудно, хотя она, со своей стороны, несомненно, любила Кантемира. В своих стихах он, как мы видели, подсмеивался над нею еще злее. Кроме того, тотчас по приезде в Лондон он обзавелся подругою жизни, к которой питал довольно серьезную привязанность. На это мы имеем прямое указание в письмах его сестры. «Кланяюсь вашей подруге, – пишет она ему в 1733 году, – и благодарю ее за выказываемую ко мне преданность… Этим письмом вы должны уверить ее в чувствах моей любви и благодарности». Через три года княжна Мария посылает той же подруге Кантемира подарок и прибавляет: «Все это делается мною из-за преданности, какую вы к ней питаете». Это, однако, не мешает княжне Марии мечтать о браке ее брата с княжною Черкасской и писать ему: «Я также согласна любить вашу подругу с тем только условием, чтобы из поцелуев и разговоров не вышло чего-нибудь серьезного, а главное, чтобы нам не нажить неприятностей и не обидеть невесту». Сам

Кантемир иначе смотрел на дело, потому что он мало скрывает свои отношения к подруге и очень часто дает сестре чувствовать, что разговоры о «тигрице» ему надоедают. Он даже жалеет «о бедной девушке, которая так печально проводит лучшее время своей жизни. Еще несколько лет, и она будет старой девой, которая всегда найдет себе мужа, но только такого, который пожелает жениться на ее приданом, а не на ней. Впрочем, – заключает Кантемир, – это не наше дело».

Письмо, из которого мы взяли эту выдержку, относится к 1740 году, но стихи, в которых он подсмеивается над своей невестой, написаны раньше, и вообще у нас нет никаких серьезных указаний, чтобы Кантемир относился с искренней привязанностью к княжне Черкасской, за исключением разве тех подарков, которые он посылает ей из-за границы и которые состояли преимущественно из нюхательного табака а-ла-виолет. Из Кенигсберга, во время своего переезда в Англию, Кантемир посылает своей невесте шесть ящиков этого табака, обещая выслать из Голландии целый пуд. Между тем с той же оказией Кантемир высылает сестре два изящных янтарных подсвечника, которые он, не щадя труда, долго отыскивал в Кенигсберге и конечно послал бы своей невесте, если бы питал к ней более нежные чувства.

Независимо от недостатка большого расположения к невесте были и другие причины, заставлявшие Кантемира избегать женитьбы на княжне Черкасской. Мы уже видели, как велико было пристрастие Кантемира к научным и литературным занятиям, предполагавшим тихую жизнь вдали от политических волнений и светской суеты. Вообще, он по природе своей, по воспитанию и, как мы видели, по впечатлениям, вынесенным из родительского дома, был не очень пригоден к борьбе за существование в бурном водовороте жизни, а в его время надо было вести отчаянную и жестокую борьбу, чтобы одержать победу. Это было время, когда, как верно замечает один из самых глубоких исследователей этой эпохи, «всякий мало-мальски значительный человек считал благоразумным в видах собственного самосохранения следовать правилу: губи других, иначе эти другие тебя погубят». Действительно, мы видим, что все друг друга тогда губили, что это была какая-то отчаянная борьба из-за политического влияния, из-за власти, – борьба, быть может, вызванная не столько прелестью самой власти, сколько желанием обеспечить собственную безопасность, оградить свое имущество от насильственного захвата. Ментиков, Голицын, Долгорукие, Бирон, Миних, Остерман, даже такие светлые личности, как Прокопович, губили других, чтобы спасти себя.

Нельзя себе и представить, как среди таких людей слабый телом и тихий нравом Кантемир мог бы с успехом выдержать борьбу, если бы вступился за свои идеи как практический деятель. Его немедленно задавили бы те, кто был неразборчив в средствах, кому ничего не значило погубить противника, каковы бы ни были его достоинства или заслуги перед отечеством. Мягкий Кантемир, искавший уединенной, трудовой жизни, посвященной литературе и науке, очевидно, не был создан для такого времени и для такой среды. Между тем брак с княжною Черкасской заставил бы его принять участие в политической борьбе, которая была ему не под силу. Он сам неоднократно выражает эту мысль в своих письмах. Он чувствовал, что в качестве зятя влиятельного князя Черкасского ему придется бывать и в свете, и домогаться видного поста, вообще принять участие в политической жизни, к которой он, в особенности после того, как надежды его при воцарении Анны Иоанновны не сбылись, чувствовал инстинктивное отвращение.

Ко всему этому присоединялся еще один мотив: его сильно тянуло за границу; он хотел видеть других людей, другие порядки, чтобы, заручившись новыми знаниями, быть полезным своему отечеству. Кроме того, от заграничной поездки он ожидал большой пользы в смысле завершения своего образования. В то время было очень трудно следить за наукой и литературой из Москвы или Петербурга. Давнишняя мечта нашего сатирика заключалась в том, чтобы усовершенствоваться в науках на Западе. Брак с княжною Черкасской мог расстроить и этот план. Навряд ли родители невесты согласились бы отпустить свою дочь в дальние страны и позволили бы ее мужу вести кабинетную жизнь среди книг где-нибудь вдали от России.

Таким образом, мы убеждаемся, что Кантемир в душе не мог сочувствовать браку, о котором так сильно хлопотала его сестра. Он, должно быть, обрадовался мысли князя Черкасского о назначении его послом в Лондон. Мы, однако, не думаем, чтобы эта мысль родилась самостоятельно у князя Черкасского. Очевидно, многие лица сообща позаботились о том, чтобы удалить Кантемира из Петербурга. Не все его соперники понимали, что он для политической роли малопригоден, так как его происхождение, его образование, широкая популярность, которую он приобрел благодаря своим талантливым литературным произведениям, его дружеские отношения с князем Черкасским, прочившим за него свою дочь, – все это заставляло их видеть в Кантемире будущего выдающегося политического деятеля, а вместе с тем желать его удаления из Петербурга. Кажется, особенно ревностно об этом заботился граф Остерман,

потому что Кантемир, вследствие прекрасного знания языков и своего происхождения от владетельного князя, как бы создан был для видной дипломатической роли. Действительно, граф Остерман делает всевозможные усилия, чтобы предоставить Кантемиру вакантный пост посла России в Англии. Он предлагает эту комбинацию новой императрице, он же убеждает представителя Англии при нашем дворе, что молодость князя Кантемира не может препятствовать назначению, что, в сущности, ему уже двадцать восемь лет (это был сознательный обман, так как Кантемиру было тогда всего двадцать два года, что, конечно, прекрасно знал Остерман). Но, вероятно, весь этот план удаления нашего сатирика из Петербурга не удался бы, если бы он сам не играл на руку своим соперникам. Для него мысль о пребывании за границей, о завершении своего образования среди знаменитых ученых, в обществе корифеев общественной и научной мысли представляла особенную заманчивость, тем более что при его молодости пост посла был весьма почетным и, конечно, не мог повредить дальнейшей его карьере. Завершить свое образование ему действительно удалось, равно как и пользоваться обществом самых выдающихся ученых и литераторов того времени, но возвратиться в отечество ему не было суждено. Тот же граф Остерман противился всем попыткам Кантемира, направленным к этой цели; а когда Остерман пал, здоровье сатирика было уже настолько расстроено, что о возвращении в Петербург не могло быть и речи.

1 января 1732 года Кантемир выехал из Москвы, а 13-го – из Петербурга и навеки расстался с горячо любимой сестрою, многими друзьями и Россией.

Глава V

Кантемир как дипломат. – Его пребывание в Лондоне и Париже. —Последние литературные труды. – Его смерть. – Общая оценка деятельности

На чужбине Кантемир продолжал ревностно служить отечеству пером и делом. Служба эта была двоякого рода: как дипломат он старался по мере сил ограждать внешние интересы России; как писатель он прилагал всевозможные усилия, чтобы двинуть дело ее просвещения. Труд на пользу просвещения он признавал «корнем нашей славы», и несомненно, что к этому труду главным образом лежала его душа. Но как человек в высшей степени добросовестный он очень старательно исполнял принятые им на себя дипломатические обязанности, а будучи одарен необыкновенными способностями, исполнял эти обязанности с умением и большим знанием дела. Этими качествами и отличается его дипломатическая деятельность, как ни тяжела она была для него по многим причинам. Уже сама по себе роль представителя России на Западе была в то время ролью не очень завидной. Наше отечество только начинало вступать в ряды великих держав, равноправных с остальными. К нему относились свысока, иногда явно пренебрежительно, как к стране варварской, внушавшей к себе почтение разве только грубою силой, да и та по временам казалась сомнительной. Это пренебрежительное отношение к России выражалось, между прочим, в том факте, что русским монархам систематически отказывали в императорском титуле. Русское правительство проявляло большую щепетильность в этом вопросе, но в то же время само отказывало своим представителям в необходимых финансовых средствах, чтобы они могли с достоинством поддерживать престиж России. Достаточно упомянуть о том, что Кантемир получал в Лондоне 3 тысячи рублей жалованья и что в Париже после долгих усилий ему удалось довести свое жалованье до 15 тысяч, а между тем посол такого сравнительно второстепенного государства, каким была тогда Сардиния, получал 24 тысячи и содержал дом, убранство которого обошлось в 100 тысяч, в то время как Кантемиру никаких чрезмерных сумм не давали. Он вынужден был некоторое время угощать своих знатных гостей на оловянной посуде, так как на его представления о крайнем неудобстве этого обстоятельства при всеобщей роскоши ему отвечали из Петербурга словом

подозрения в его честности. Прибавим к этому, что за все двенадцать лет его дипломатической деятельности ему постоянно приходилось вести переписку то о прибавке жалованья, то о высылке сумм, недосланных за целые месяцы и даже годы, что сам он имел со своих поместий дохода всего 600 рублей и что даже эта незначительная сумма редко получалась, потому что она по большей части расходовалась на братьев или вовсе не взыскивалась с крестьян вследствие бедности или постигших их бедствий, что, наконец, ему приходилось делать долги для покрытия расходов по исполнению своих обязанностей, – и мы поймем, каким затруднительным было положение Кантемира. К счастью, он своими необыкновенными дарованиями и нравственными достоинствами успевал заручаться любовью и уважением всех, с кем сталкивала его жизнь, и вследствие этого мог ослабить и по большей части даже совершенно устранить пренебрежительное недружелюбие, с каким относились тогда в Европе к представителям России. Уважение, которое все питали к Кантемиру как к человеку высокообразованному и не менее нравственному, оказало большую услугу и стране, представителем которой он состоял. В Лондоне и Париже он сумел окружить себя людьми во всех отношениях достойными. Друзьями его были выдающиеся литераторы, ученые, общественные деятели, пользовавшиеся почетом в своей стране и за границей. Да иначе и быть не могло, потому что сам Кантемир ставил выше всего интересы духа: науку, литературу, искусство, – и удовольствие ему доставляло только общество людей, одинаково с ним настроенных в этом отношении.

Таким образом, вопреки тем действиям, которые исходили от русского правительства и которые подчас набрасывали тень и на его представителя, Кантемир умел своею личностью, безупречной, чистой, светлой, во всех важных случаях ограждать интересы России. Так, например, было с пресловутым делом об убийстве майора Синклера, ехавшего из Турции в Швецию с депешами, касавшимися союза между этими двумя государствами. Русское правительство было заинтересовано в том, чтобы ознакомиться с этими бумагами, и поручило двум офицерам отобрать их у шведского майора, а его самого убить. Это и было исполнено по приказанию Миниха, действовавшего, в свою очередь, по инструкции Остермана, капитаном и поручиком русской службы Кутлером и Левицким. Они настигли майора Синклера, умертвили его, отобрали у него упомянутые документы, а затем сами были доставлены сперва в Шлиссельбург, а потом в Тобольск, где их держали в строжайшей тайне; но через четыре года они уже были произведены в высшие

чины с переиначенными фамилиями: Туркеля и Ликевича. Понятно, что этот инцидент с майором Синклером наделал в Европе страшный шум, и легко представить себе ложное положение, в котором очутился Кантемир, конечно до глубины души гнушавшийся этим вопиющим насилием. Только благодаря доверию, которое питали к его честности, он мог убедить и правительства, и общество, что во всем этом деле личность императрицы ни при чем, что оно совершено без ее ведома.

В такое же затруднительное положение его ставили постоянные требования о преследовании или наказании того или другого иностранного писателя или редактора. Временщики, находившиеся у власти, всячески оберегали свою репутацию за границей, не стесняясь позорить себя в самой России. Как только кто-нибудь за границей указывал в печати на их прегрешения, они тотчас же обращались к представителю России, настойчиво требуя конфискации данной книги или брошюры, запрещения газеты или наказания редактора. С такими требованиями то и дело обращались к Кантемиру и Бирон, и Остерман, и Миних, и другие временщики. Сколько ни доказывал Кантемир, что эти требования ни к чему привести не могут, «потому что здешний народ волен и убеждается более о том говорить, что говорить запрещено», ему приказывали разыскивать авторов неблагоприятных для временщиков печатных произведений и требовать от правительства их обуздания. И в этом отношении положение Кантемира было весьма затруднительным. Он советовал делать «потребные» опровержения, признавая их до известной степени даже необходимыми, потому что при неблагоприятном мнении иностранцев о России «трудно будет вызывать мастеровых людей в службу»; но временщики не столько заботились об этом, сколько добивались полного молчания относительно своей неприглядной деятельности. Опровергать многое было трудно, потому что оно соответствовало истине, легче было требовать, чтобы данная «книга яко пасквиль надлежащим образом и под жестоким наказанием конфискована и запрещена была». Такое требование было, например, высказано относительно известных «Lettres moscovites» Локателли, вызвавших такое неудовольствие в Петербурге, что даже еще два года спустя после их обнародования от Кантемира требовали, чтобы он добился наказания автора. Какие доводы он ни представлял о невозможности добиться законным путем наказания, ему не верили и продолжали настаивать на своем требовании. Выведенный из терпения Кантемир наконец обратился к императрице со следующим оригинальным предложением: «Никогда через суд в подобных делах

сатисфакцию получить не можно. Потому к наказанию его, Локателли, один способ остается, чтоб своевольным судом через тайно посланных гораздо побить, и буде Ваше императорское величество тот способ апробовать изволит, то я оный в действо произведу». Само собою разумеется, что императрица не могла «апробовать» ни официально, ни конфиденциально подобного «своевольного суда», и, таким образом, дело наконец кануло в Лету.

Но было много и других условий, затруднявших правильную политическую деятельность и отражавшихся весьма тяжело на положении посланника. Мы указывали уже, что Кантемира старались удалить из Петербурга как опасного соперника. Остерман, заведовавший внешними делами России при Анне Иоанновне, как и его преемники, – все они относились одинаково недружелюбно к нашему сатирику. Малейшая его ошибка превращалась в тяжелую вину, за которую Кантемир получал выговоры. Но и помимо всяких ошибок с его стороны можно было всегда найти поводы к неудовольствию. Вся тогдашняя дипломатия была в еще большей степени чем теперь основана на хитрости, обмане, всякого рода пронырстве; Кантемир же, по своим нравственным правилам, на обман никогда не соглашался. В крайнем случае он умалчивал о правде, но лжи не допускал. И в этом отношении он остался себе верен до конца. Само собою разумеется, что это не могло нравиться деятелям, которые считали в политике все дозволенным, до убийства из-за угла включительно. Не доверяя Кантемиру в этом отношении, они его часто обходили, не сообщали ему в точности ни намерений, ни даже действий русского правительства. Кантемиром пользовались в тех случаях, когда надо было завязать дружественные отношения, потому что наш посланник благодаря личным своим достоинствам всегда умел расположить к себе людей, с которыми имел дело; но когда пускались в ход коварство и обман, его обегали, и, таким образом, он оказывался в ложном положении, не зная в точности, что затевает аккредитовавшее его правительство. Само собою разумеется, это сильно затрудняло его задачу и внушало ему нерасположение к своей деятельности. Его положение несколько изменялось к лучшему только тогда, когда в Петербурге приобретали влияние люди достойные, более или менее схожих нравственных правил с ним самим. Так было, например, при графе Воронцове. Но как только эти люди оттеснялись от влияния на государственные дела, положение Кантемира тотчас же снова ухудшалось.

Другим источником вечных бесплодных хлопот и неудовольствий был неверный взгляд на истинное значение

представителя России при иностранном дворе. На посланника смотрели не как на должностное лицо с чрезвычайно обширными и трудными обязанностями, а как на своего рода комиссионера или, по нашему, приказчика, которому, не стесняясь, давали поручения всякого рода. Мало того, считали вправе давать эти поручения не только власть имущие, но вообще все, кто пользовался каким-либо влиянием в государстве, причем вид этих поручений оставался совершенно неопределенным. Нужен был искусный кондитер русскому двору – немедленно об этом извещали Кантемира, и он должен был приискать его. Этим, однако, не довольствовались и требовали, чтобы сам Кантемир внимательно следил за искусной прислугой и рекомендовал ее петербургскому двору. Ему поручали покупать и «аглицкую дамскую эпанчу, долгую, чтобы на все платье надевать, камлотовую готовую, цветом серенькую, с позументом серебряным и бандалет к ней», и «табаку рапе с виолетом», и «лошадь езженую, а летами чтоб была не молода и не стара, лет семь или восемь, а больше десяти лет не было бы, с ходу также смирна, и собою плотна, и крепконога, и не пуглива, и стрельбы не боялась», и «дюжину шелковых чулков, половину белых со стрелками, а другую половину с другими цветами», и «шесть тростей деланных, т. е. роров, которыми на басах играют». Обращаются к нему с подобными поручениями чуть не ежедневно разные более или менее влиятельные лица, которым отказывать было трудно, да иногда и небезопасно. Волей-неволей приходилось их исполнять, тем более, что все это требовалось в виде– маленькой, ничтожной услуги, неисполнение которой, однако, могло быть принято за серьезную обиду. Граф Ягужинский обратился к Кантемиру через своего секретаря со стихотворным посланием, в котором дается ему следующее поручение:

Мне, государь, пришел слух повсюды,
Что в Лондоне есть хорошие уды,
Которые с принадлежности вложены в тростях,
Носятся на ремнях и на лентных лопастях;
Таких здесь никак не можно достать,
Чего ради прошу парочку прислать,
Чтоб оными могли рыбу мы ловить,
И тех долгость дней летних со скукой проводить,
Понеже живем в доме летнем над водою,
А сей забавы нет ныне с собою.

Кажется, все это написано в шутливом тоне, но попробуй

Кантемир отказать графу Ягужинскому в присылке этих «уд», и он наверное нажил бы себе в нем серьезного врага. Графу Ягужинскому или любому из влиятельных лиц, заваливавших Кантемира подобными вздорными поручениями, как вообще русским людям вплоть до наших дней, было чуждо простое соображение, что нельзя беспокоить других ради своего удобства и что такого рода беспокойство может испортить другому жизнь, отрывая его от исполнения серьезных обязанностей. Конечно, Кантемир мог помочь себе содержанием большого штата подчиненных, но на это, как мы уже видели, не хватало денежных средств, в которых ему постоянно отказывали. Ему одно время пришлось содержать посольского священника и весь причт на собственные средства. Иногда за иностранной коллегией числился долг, превышавший 20 тысяч рублей, и Кантемир решительно не знал, при недостатке собственных средств, как выпутаться из беды. Все это внушало ему крайнее нерасположение к его дипломатической деятельности. Он неоднократно просился в отставку, тем более что здоровье его было далеко не лучшим. Но в отставке ему отказывали, нисколько не меняя его положения, чем доводили почти до отчаяния.

Тем не менее Кантемир, как мы уже указывали, ревностно занимался дипломатическими делами. Его реляции до сих пор не изданы в полном виде; когда они этого дождутся, то составят несколько томов (первый том, изданный профессором Александренко, обнимает только первые два года дипломатической деятельности сатирика). Отсюда видно, как много времени он посвящал исполнению своих дипломатических обязанностей, а достоинства этих реляций, которые рекомендовались опытными и искусными русскими дипломатами как весьма поучительное чтение для всех, кто интересуется внешними делами России, не позволяют сомневаться, что Кантемир посвящал много времени собиранию материалов, необходимых для столь компетентных и даже глубоких дипломатических отчетов. Все они написаны собственноручно Кантемиром и только перебелены его секретарями. В оценке тех государственных и общественных деятелей, с которыми ему приходилось встречаться, он проявил замечательную проницательность: так, например, его суд над государственными людьми, управлявшими судьбою Англии при Георге II, т. е. в то время, когда Кантемир состоял представителем России в Лондоне, совпадает почти буквально с оценкой их лучшими историками. Чтобы дать читателям понятие о манере и достоинствах Кантемировых реляций, мы познакомим их с этой

характеристикой.

«Его королевское величество, – писал Кантемир в 1733 году, – как я многажды Вашему императорскому величеству имел честь доносить, государь весьма честного характера и в слове своем приметного постоянства, если бы нужда здешних законов и часто советы министров к противному Его величества не понуждали. Вспыльчивый Его величества нрав подал причину к несогласию с сыном, который, со своей стороны, может быть, более, нежели прилично, с противниками Его величества сообщается, и пока Его высочества поступок в сем не отменится, мало согласия с отцом в сем ожидать можно. Господа Вальполли бессумнительно всю силу здешнего правления в своих руках имеют. Большой брат Роберт человек весьма добрый и острого ума, и по своему ауторитету в парламенте видно, что к внутренним делам много искусства имеет и, зная совершенно склонность своей нации, куда хочет их влечет, наипаче употребляя к тому золотую узду. В делах чужестранных, как все генерально здесь признают, не много знания имеет и потому особливо брата своего почитает, чая, что многие посольства, в которых он обретался, дали ему способ в том искуситься. Я не могу сказать, праведно ли то мнение или нет, понеже за многословием, которое г-н Горас (Вальполь) в своих разговорах употребляет, основательное рассуждение почти оными подавлено, и удача в его негоциациях мало в его пользу показывает, хотя, впрочем, и он не лишается остроты ума и приятного обхождения. Оба брата, опасаясь от войны приумножения неприятелей своих или разделения власти своей во многие руки, тишину любят и потому многие авантажи потерять лучше склонятся, чем навесть себе оное опаство; потому при правлении их трудно ожидать отсюду какого смелого действия. Дюк Нькжастл, статский секретарь полуденных дел, имеет великую понятность и память, но весьма мало атенции к чужестранным делам дает, будучи непрестанно в своей деревне и упражняяся приумножать в провинциях друзей, которыми и место свое сохраняет. Великие его вотчины, число друзей и родни дают ему несколько голосов в парламенте, что понуждает господ Вальполев не учинить себе его неприятелем, а инако давно бы свой чин потерял. Милорда Гаринтона, статского секретаря северных дел, можно взять образцом честного и доброго человека, который снабден природными основательными рассуждениями и многим искусством. Обе здешние противные стороны равно его любят и почитают; нет такого, чтоб был им недоволен; нраву весьма тихого, малоречив, не лукав и столько недруг всяких замешательств и высокомыслия, что хотя Его королевское величество к нему гораздо милостив, кавалер Вальполь ему не

ревнует и подлинно способнейшего он, Вальполь, себе приискать не мог бы. Понеже милорд, кроме своей должности, ни в какие дела не вступает, зачем я надеюсь, что он место свое сохранит, со всем тем, что Горас Вальполь горячо желал бы оное себе присвоить. О членах тайного совета не упоминаю, понеже ни силы никакой не имеют, ни господину Вальполю противиться отважны. Ничего также примечать можно прочих придворных, которые ни в какие дела не вступаются, разве когда господин Вальполь кому что позволит, и Его величество ни которому из них отменную милость не являет».

Если отрешиться от впечатления, которое производит этот документ в стилистическом отношении, как все, что написано Кантемиром, жившим полтораста лет тому назад, когда еще и помину не было о знаменитых творцах современного русского языка, когда сильная и образная русская речь еще всецело подчинялась ярму польско-латинского духовного витийства, когда даже еще такой сильный писатель, как Ломоносов, не успел сбросить с себя это ярмо, то мы будем поражены проницательностью и глубиною этой характеристики, в которой современник оценил английских государственных людей так, как дано их было оценить только позднейшим знаменитым историкам, писавшим сто лет спустя, когда беспристрастная историческая перспектива была уже вполне возможна. С другой стороны, мы должны будем признать, что если бы русская дипломатия времен Кантемира руководствовалась при ограждении русских интересов его ясными, определенными и столь проницательными реляциями или имела бы в виду больше эти интересы, чем выгоды того или другого временщика, то услуги, которые оказал бы наш сатирик России в дипломатическом отношении, были бы гораздо значительнее, чем они были на самом деле. К его реляциям преднамеренно возбуждалось недоверие теми, кому они не были на руку, как вообще вся его деятельность ими дискредитировалась. Наши историки еще мало изучали дипломатические отчеты Кантемира, а между тем они заслуживают лучшей участи. Тогдашние взаимоотношения держав удивительно метко в них охарактеризованы, а в этих отношениях, как ни кажутся они нам отдаленными, заключается много точек опоры для уяснения себе и современного положения Европы вообще, и России в частности. усилия, употребленные Кантемиром, – деятелем, одаренным, как он выражался о других, «большою остротою ума», – чтобы уяснить себе намерения разных держав, не заплутаться в лабиринте лжи и обмана, созданном тогдашними дипломатами, далеко не пропали даром. Получается необычайно яркая картина тех побудительных

мотивов, которые заставляли государства ссориться, мириться, вести войны, заключать союзы и придерживаться той или другой внешней политики.

Кантемир был одарен способностью видеть дальше сугубо временных явлений, предопределять до некоторой степени будущее и понимать, что есть прочного в изменчивом, неясном ходе событий: он им не подчинялся в своих суждениях, он видел, откуда и куда они идут. Стараясь оградить, по мере сил и возможности, интересы своего отечества, наш дипломат уже тогда с большой проницательностью утверждал, что мы сколько-нибудь искренних друзей в Европе не имеем; он указывал и на причины этого явления: на нашу отсталость в культурном отношении, на страх, который вызывает наша военная сила при полной неизвестности, к какой цели она будет направлена. Он даже совершенно четко оттенил те факторы, которые повлияют на ход нашей политики и политики других государств, подметил зависть, которую возбуждает могущество России в других ведущих европейских государствах, и указал на то, что Франция, самая сильная держава того времени, в *искренний* союз с нами не вступит, потому что она столько же заинтересована в ослаблении Германской империи, как и в ослаблении России. Наше правительство то и дело старалось вступать в союз с Францией, подчиняясь в этом отношении иногда весьма мелким побудительным мотивам. Так было, например, при Бироне, когда он вздумал, будучи избран при содействии свояка, рижского коменданта генерала Бисмарка, курляндским герцогом, выдать племянницу Анны Иоанновны, молодую принцессу Анну Леопольдовну, замуж за своего сына и с этою целью удалить от двора близкого родственника германской императрицы, принца Антона-Ульриха. Этот брак вызвал бы разрыв с германским императором, а потому Бирон хотел вступить в союз с Францией и требовал от Кантемира, чтобы он подготовил сближение с ней. Так было и по отношению к знаменитому маркизу Шетарди, постоянно уверявшему русское правительство в дружбе Франции, а на самом деле дружившему с тайными противниками России: Швецией, Польшей, Турцией.

Из реляций нашего посла видно, что, несмотря на молодость и дипломатическую неопытность, несмотря также на свой честный и прямодушный характер, он почти с самого начала своей дипломатической карьеры ясно понял, что с тех пор, как благодаря военным успехам Петра Великого «мы вдруг стали уже народ новый, не меньше стройный других, не меньше обильный, завидим врагу и в нем злобу унять сильный», – с тех пор, как русское оружие нанесло столь чувствительные удары ближайшим

нашим соседям, Швеции и Турции, а Польша, очевидно, уже клонилась к упадку, Россия становилась державою равносильной другим великим державам и потому естественно вступала с ними в соперничество как относительно своего влияния в Европе, так и способности ограждать здесь свои интересы. Понимал Кантемир и то, что это соперничество, этот быстрый рост могущества России заставит другие державы, которым принадлежало первенство в Европе, относиться недружелюбно к нашему отечеству и строить против него всевозможные козни. Он не доверял ни Англии, ни Франции, и события вполне оправдали это чувство недоверия. И министры Георга II, и знаменитый кардинал Флёри рассыпались в уверениях в дружбе перед Россией и в то же время отказывались признать за русскими царицами императорский титул и постоянно натравливали Польшу, Швецию и Турцию на Россию, достигая нередко успеха и силясь после войны отнять у нее возможность заключить выгодный мир. Избрание Станислава Лещинского польским королем, невыгодный Белградский мир после взятия Хотина и другие факты этого рода служили ясным доказательством проницательности Кантемира как дипломата. Таким образом, Кантемир, быть может, первый дал ясное выражение тому несомненному в настоящее время историческому закону, что Россия как одна из наиболее могущественных держав в Европе будет всегда иметь своими противниками те государства, которые претендуют на наиболее влиятельное положение, будь это Австрия, Франция, Англия или, как теперь, новая Германская империя.

Мы не можем входить здесь в подробное изложение дипломатической деятельности Кантемира и подтвердить выписками из его реляций, как верно он оценивал тогдашнее внешнее положение России. Но такая проницательность, во всяком случае, свидетельствует о блестящих дарованиях Кантемира, тем более что, как мы видели, масса мелочных хлопот и забот поминутно отрывали его от исполнения прямых обязанностей. При таких обстоятельствах можно удивляться, что он находил еще время для весьма широкой литературной деятельности. Правда, его творчество оскудевает, но не оскудевает его желание служить отечеству на литературном поприще, содействовать, по мере сил и способностей, его просвещению. За исключением первых трех лет пребывания за границей, не проходит почти ни одного года, чтобы он не обогатил русскую литературу новыми оригинальными или переводными произведениями. В Лондоне он пишет стихи «Противу безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека», «В похвалу наук», в которых он прославляет разум, «к

понятию отверстый», клеймит «суеверство злое», возвеличивает науку с ее «речью тихою, но честным ушам внятною, не знающую ни гневу, ни страху причину, ищущую и любящую истину едину». В то же время он знакомит русскую читающую публику с классическими произведениями древности, переводит Анакреонта, приступает к переработке своих сатир, придает им совершенно новый вид и отчасти заменяет устарелый силлабический стих тоническим, более соответствующим духу русского языка. В это же время он пишет свою шестую сатиру «О истинном блаженстве», в которой формулирует идеал счастливого человека, указывает на тщету богатства и власти, прославляет человека доброго и пробуждающего в других добрые чувства. Чем-то успокоительным, светлым и чистым веет от этой сатиры, написанной первым русским писателем в такое жестокое время, каким было начало восемнадцатого столетия, когда люди губили друг друга, не останавливаясь ни перед чем, чтобы обогатиться или завладеть властью, от этой неожиданной в русском обществе проповеди, что

Добрым быть собою мзда есть уже не мала.

Одновременно с этою сатирой он пишет еще и басни, стараясь ими убедить читателя в той же истине.

Переселившись во Францию, где ему открывается более широкое дипломатическое поприще, он также не оставляет литературных занятий. В Париже им написана седьмая сатира «О воспитании», в которой он выступает истинно передовым человеком для своего времени и общества. Кантемир восполняет здесь недосказанное им в прежних сатирах, указывает на громадное значение правильного воспитания, оттеняя печальные стороны того воспитания, которое получали русские дети в его время, когда оно доверялось преимущественно прислуге из крепостных, когда лучшим средством исправления признавались побои и розги, когда родители и не думали подавать хороший пример, погрязнув в невежестве, заботясь только о поддержании внешнего блеска, роскоши. В такое время несомненно была лучом совершенно нового света проповедь, что «слуги – язва детей», что «родителей злее пример», что «ласковость больше в один час детей исправит, чем суровость в целый год», что «кормилицу, дядьку, слуг, беседу сколь можно лучшую надо избрать сыну», что «дети ближе гостя» и т. д. Все эти мысли о воспитании, на которых отразилось влияние Ювенала и Локка, легли впоследствии в основу знаменитой учебной реформы Бецкого, и, таким образом, наш сатирик приложил и в этом отношении деятельную руку к обеспечению высших интересов русского

общества. Почти одновременно написана им и восьмая сатира «На бесстыдную нахальчивость», в которой он указывает писателям, как осторожно надо обращаться с печатным словом. Он говорит:

> Когда за перо примусь, совесть испытаю,
> Не со страсти ли я какой творцом стать желаю,
> Не похвал ли, что я жду от тех трудов, жадность,
> Не гнев ли, не зависть ли, иль к ближним беспощадность,
> Волю мне взносит в ум.

Он советует обращаться с печатным словом так же осторожно, как врач обращается с ланцетом, когда пускает больному кровь; он отдает себе полный отчет в важном значении печатного слова как одного из средств воспитательного воздействия на общество, и, таким образом, восьмая сатира естественно дополняет собою седьмую. Наконец, в 1740 году он пишет «Письмо к князю Н. Ю. Трубецкому», в котором показывает свой идеал хорошего администратора, заботящегося о том, чтобы «чин и правда цвела в пользу людей», чтобы «страсти не качали весов» правосудия, чтобы «слезы бедных не падали на землю», словом, идеал того администратора, который видит «собственную пользу в общей пользе». Последнее же оригинальное стихотворение, «Письмо к стихам своим», он написал уже накануне смерти, в 1743 году. Это – его прощальное слово, в котором он выражает надежду, что в конце концов муза его найдет себе признание, что «умным понравится голой правды сила», что потомство поймет, как он далек был от злословия и старался только «пятнать злой нрав», наконец, что сатира его имела источником своим одну любовь.

> В речах вы признайте
> Последних моих любовь к вам мою. Прощайте!

Это прощанье не только с музою, но и с читателями, – прощание тем более трогательное, что, несмотря на сатирическую соль стихов поэта, в них действительно было много любви, но не той любви, которую обыкновенно воспевают поэты, а высшей этической любви к ближнему и к отечеству.

Мы уже указывали на некоторые переводы Кантемира. Состоя представителем России при иностранных дворах, он продолжал знакомить русскую публику с лучшими, по его мнению, трудами

других народов. Так, он перевел историю Юстина, жизнеописания Корнелия Непота, знаменитые «Персидские письма» своего друга Монтескье, этику Эпиктета, книгу Альгеротти о свете. Все эти труды, к сожалению, потеряны, как утрачено и его руководство к алгебре, которое он составил для того, чтобы развивалось математическое образование в России. Утрачены также его рассуждения о просодии. Но зато сохранилось написанное им незадолго до смерти письмо к приятелю о «сложении стихов русских». Письмо это было вызвано известным трудом Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором последний предлагает заменить силлабический стих тоническим как более свойственным русскому языку. Кантемир отчасти соглашается с Тредиаковским, и действительно его произведения представляют нечто среднее между силлабическим и тоническим стихом. Таким же образом он перед смертью еще перевел знаменитые письма Горация и, кроме того, сам написал прозой одиннадцать «Писем о природе и человеке», в которых старается обосновать свои собственные нравственные правила и прийти к целостному миросозерцанию. В этих письмах Кантемир является глубоко религиозным человеком, стоящим, однако, на высоте образованности, прекрасно знакомым со всей этической литературой и воодушевленным всем, что есть для человека наиболее святого.

Это были последние произведения Кантемира. Уже с 1740 года его здоровье вызывало опасения, хотя ему шел тогда всего тридцать первый год. По общему отзыву биографов, он был всегда слаб здоровьем, нежного телосложения и постоянно вредил себе неумеренным умственным трудом. До какой степени Кантемир втянулся в этот труд, показывает тот факт, что за несколько дней до смерти, почувствовав, что работать уже не может, признал свое положение безнадежным. «Не могу уже читать – значит, умираю», – произнес он. Некоторые биографы, и в том числе аббат Венутти, утверждают, что он одно время вел за границей рассеянную жизнь и грешил чрезмерною любовью к женщинам. Но это как-то плохо мирится со всем, что мы знаем о Кантемире, и противоречит вполне подтвержденным фактам. Так, мы видели уже, что в Лондоне он постоянно имел одну подругу жизни, о которой отзывался чрезвычайно сердечно в своих письмах к сестре. В Париже он сошелся с г-жой Д'Англебер, от которой имел двух детей (вскоре умерших) и которая вскоре после смерти Кантемира вышла замуж и зажила счастливой семейной жизнью. Кроме того, нам известно, что Кантемир, несмотря на полную возможность постоянно вращаться в блестящем и шумном парижском обществе и принимать участие в его удовольствиях,

вел жизнь очень уединенную, выезжая лишь тогда, когда этого требовали его официальные обязанности. Все это не мирится с тем представлением, будто бы он мог вести рассеянный образ жизни: слишком пристрастился Кантемир к науке, выше которой он ничего не знал в жизни, и к литературе; слишком был добросовестен в исполнении принятых на себя обязанностей; слишком предан высшим интересам человеческого духа… Батюшков очень метко изобразил нам в своем известном «Вечере у Кантемира» не только основное миросозерцание нашего сатирика, но и, так сказать, нравственный его облик. Это была натура очень сосредоточенная, очень глубокая, чуждая всякой аффектации и театральности, трезвая, но теплая по своему любовному отношению к людям и родине, увлекающаяся только в кабинетной тиши, за книгою или с пером в руках, еще в задушевном разговоре с друзьями, близкими к нему по настроениям. Но и такого рода увлечение никогда не переступало у него границ, вне которых нарушается приятный тон беседы и слово становится желчным или язвительным. Даже в его «смехе сквозь слезы» было очень много добродушия и теплоты. Только в первых своих сатирах, т. е. в трудах ранней молодости, Кантемир нападал на конкретных лиц и, следовательно, мог нажить себе врагов. Но эти сатиры он впоследствии переработал, отчасти с целью, чтобы устранить в них все личное и направить свои сатирические стрелы исключительно на «злые нравы» всего общества, а не отдельных лиц. Его сосредоточенная, уравновешенная, настроенная философски натура проявилась вполне и в последние дни его жизни, перед самой кончиной. Он не боялся смерти, хотя умирал так рано. Он ожидал ее стойко, как глубоко верующий человек, как писатель, совершивший то, что мог, и не покрививший никогда душою, как сын своей страны, посвятивший ей все свои помыслы и силы. Его окружали друзья, умевшие его ценить: секретарь посольства Гросс, брат его учителя-академика, знаменитый в то время философ и математик Мопертюи, аббат Венутти и некоторые другие близкие ему люди.

Очень неблагодарным оказалось отечество по отношению к нему и в последние месяцы его жизни. Он умирал, а ему с трудом согласились дать отпуск, и, когда согласились, то лишь с условием соответственного вычета из жалованья за проведенное в отпуске время. О пособии и слышать не хотели, и Кантемиру даже угрожали, что если он будет болеть слишком долго, то его заменят другим дипломатом. С такой угрозой обращались к человеку, который неоднократно просился сам в отставку, жаждал

вернуться на родину и только мечтал об осуществлении

давнишней своей надежды занять наиболее, быть может, свойственный ему пост – президента задуманной Петром Великим академии наук. Угроза эта, понятно, не могла напугать умиравшего Кантемира, но она должна была вызвать в нем весьма горькое чувство: все его заслуги были забыты в Петербурге, и те, на которых он возлагал наибольшие надежды в столь святом для него деле, в осуществлении цели его жизни, отворачивались от него в дни мучительной, смертельной болезни. Но Кантемир не жаловался: поистине трогательно его самоотречение, его стойкость в служении принципу, который он признавал верным. Его денежные дела пришли в полное расстройство вследствие постоянных задержек с высылкой причитавшегося ему жалования. Отпуск на поездку в Италию для излечения он получил только тогда, когда уже не мог им воспользоваться. Ему угрожали отставкой после всех значительных его заслуг, и тем не менее ни одной жалобы не срывалось с его уст: как глубоко должен бъш он верить в правоту своего дела, как высоко должен был он стоять над личными соображениями, чтобы безропотно перенести все эти удары судьбы и остаться верным себе до конца.

Физические страдания его были очень сильны, «уже пятьдесят дней сряду, – писал Кантемир, – весь день мучит меня резь в желудке, как скоро только крыло курицы съем, а всю ночь жар с кашлем, так что иногда и трех часов не сплю, и никто никакой помощи подать мне не может… Сверх других моих болезней, уже начинающие гнить мои легкие кусками выкашливаю». Но, несмотря на эти страдания, он не переставал заниматься, читал и исполнял все свои обязанности. Только за три дня до смерти он перестал работать, но у него хватило сил в Светлое Воскресенье прослушать обедню, причаститься и быть даже на второй день праздника у обедни. На третий день, 31 марта 1744 года, его не стало. Его друг, секретарь посольства Гросс, извещал двор о смерти Кантемира в следующих выражениях:

> «Вашего императорского величества тайный советник и полномочный министр князь Антиох Дмитриевич Кантемир по долготерпенной жесточайшей болезни сначала в желудке и потом в груди напоследок, вчерась, т. е. 11 апреля (31 марта), в вечеру в восьмом часу переменил сие временное житие с вечным блаженством. Ваше императорское величество подлинно в нем изволили потерять верного раба и весьма искусного ученого министра. Здесь таким обще все его почитали».

Но если все его признавали просвещенным человеком,

хорошим гражданином, замечательным дипломатом за границей, то, судя по вышеуказанным условиям, при каких он «переменил временное житие с вечным блаженством», нельзя думать, что взгляд этот разделялся в Петербурге. Даже когда он умер, к последней воле его отнеслись не особенно милостиво. Так, он выразил надежду, что, ввиду его неудовлетворительного материального положения, бренные останки его будут перевезены в Россию на казенный счет, как это практиковалось относительно других посланников. Поэтому он, следуя влечению своего доброго сердца, включил в завещание пункт такого содержания: «Ежели король французский по обыкновению пошлет по смерти моей к моей фамилии в обыкновенный подарок портрет свой, то оный продать и деньги (около 2400 рублей) употребить к прибавлению дохода какого-нибудь бедного госпиталя в Москве». Однако казна не только отказалась от уплаты долгов Кантемира, сделанных вследствие неуплаты ею самою около 20 тысяч рублей жалованья и по покрытии других расходов Кантемира на содержание посольства и исполнение разных казенных же поручений, но и решительно отвергла просьбу о доставлении его тела в Москву на казенный счет. Таким образом, прах его более года оставался в Париже и только благодаря заботливости сестры был перевезен в Москву, куда прибыл лишь в октябре 1745 года, и предан земле ночью, без всякого торжества, по желанию покойного в зимней церкви Николаевского греческого монастыря рядом с могилою его отца. Отметим тут же, что в настоящее время посетителям этой церкви отыскать могилу нашего первого сатирика очень трудно, потому что чугунные могильные плиты семьи Кантемиров застланы деревянным помостом, сделанным для богомольцев, не желающих смешиваться с толпою. Таким образом эти «аристократы» среди богомольцев попирают ногами прах того человека, который первым среди русских писателей возвысил громко голос в пользу равенства «пахаря и вельможи». Очевидно, и общество наше, гордящееся своими гражданскими чувствами, плохо ценит заслуги выдающихся личностей, если так небрежно относится даже к памяти того, кто первый указал на великое значение слова «гражданин».

Заключение

Мы старались вкратце охарактеризовать жизнь и деятельность Кантемира, отметить то, что представляется нам наиболее существенным, наиболее драгоценным и поучительным в трудах первого нашего классического писателя. Мы имеем полное право гордиться им. Кантемир как человек был личностью безусловно светлой. Трудно назвать других деятелей или писателей, которые в нравственном отношении могли бы быть поставлены выше него. Личная польза играла ничтожную роль во всей его жизни и деятельности. Он жил почти исключительно для пользы своего отечества; если к кому-нибудь можно применить древнее латинское изречение «Saluti publicae vixit totus»,[3] то именно к нему. Мы видели, как он даже в ранней молодости считал себя вправе заботиться о собственных интересах лишь настолько, насколько они совпадали с общественным благом. Кантемир всегда умел прощать своих личных врагов и пользовался данным ему природою талантом только во вред тем, кто забывал об общей пользе. Он был любящим сыном, примерным братом, хорошим человеком в полном значении этого слова. Интересы духа решительно преобладали в нем. Пламенная любовь к литературе и науке воодушевляли его в такое время, когда подавляющее большинство сограждан считали науку роскошью, а литературу – простой забавою. На словах Кантемир сам оправдывался перед своими согражданами в чрезмерном пристрастии к литературе, но на самом деле он жил исключительно для нее, признавал ее одним из самых могущественнейших орудий просвещения. Не менее глубока была и любовь его к отечеству. Для этой любви он также умел жертвовать своими личными интересами. По условию, заключенному между его отцом и Петром Великим, владетельные права над Молдавией должны были опять перейти к роду Кантемиров, как только эта страна будет отвоевана Россией у Турции. Следовательно, права князя на молдавский престол были бесспорны, и тем не менее он с жаром действовал в пользу мирных отношений с Турцией, когда этого требовали государственные интересы России, забывая и в этом случае о личных своих интересах: он был русским гражданином гораздо более, чем претендентом на молдавский престол. Верх его честолюбия заключался в том, чтобы стать президентом русской академии наук и на этом тогда единственном видном учебно-административном поприще содействовать успехам просвещения в России. Когда ему предложена была честь быть воспитателем

малолетнего Ивана VI, он не уклонился от такой трудной обязанности – «гробницы своей свободы», как он сам выразился, – но почувствовал значительное облегчение, когда этот план расстроился… Словом, его ничем нельзя было соблазнить, никакие почести его не прельщали: уяснив себе свое прямое назначение служить отечеству словом, он ни на шаг не отступал от этого призвания, предпочитая такие служебные занятия, которые, как он думал, наиболее с ним мирились.

Таков был Кантемир как человек. Всем этим в значительной степени определяется и его личность как политика, дипломата и писателя. Сын высокообразованных родителей, он как гражданин должен был прежде всего остановиться на вопросе: что, собственно, порождает те ненормальные общественные явления, которые так глубоко его печалили, и ответить на этот вопрос согласно глубокому убеждению, усвоенному себе, так сказать, с молоком матери, что корень всех зол – в невежестве, в недостатке просвещения. И не видел ли он, что именно к устранению этого источника общественных и политических неурядиц, косности, застоя направлены были и усилия государственного деятеля, пленившего его ум геройскими начинаниями, исполинской энергией, самоотвержением, мощью? Этим государственным деятелем был Петр Великий. Если Россия стала могущественной державой, если она старалась сравниться с другими государствами своими гражданскими учреждениями и степенью культуры и стряхнула с себя вековые предрассудки, вековой застой, то она в значительной степени была обязана этим Петру, одному Петру, как могло казаться Кантемиру. Таким образом, в этом монархе сливались и любовь к отечеству, и любовь к просвещению, т. е. то, чем дышал и жил сам Кантемир. Так сильно было впечатление, произведенное Петром на юного Антиоха, что вера в спасительность могущественной государственной власти, стоящей выше народа и ответственной только перед Богом, разумом, просвещением, пережила в нем все те печальные события, которыми так полна наша история после смерти великого преобразователя. Небывалое злоупотребление государственной властью, эксплуатация ее для сугубо личных целей, в которой так сильно провинились и Меншиков, и Долгорукие, и Голицын, не говоря уже о Бироне, и которая так тяжело отразилась и на личных интересах нашего сатирика, не могли подавить в нем этой веры, с которой он остался до последнего своего вздоха. Его скромную спальню в парижском посольском доме украшали только портрет Анны Иоанновны и фигуры двух русских мужичков. В другой комнате была сосредоточена его библиотека. В этой обстановке выразился весь

Кантемир. Он хотел служить русскому народу; службу эту он понимал в смысле распространения просвещения, т. е. того, чего главным образом недоставало России, и надежнейшим орудием для достижения этой цели он признавал независимую государственную власть, хранящую «уставы Петровы». Власть эта могла находиться в руках неумелых, но она должна была существовать, потому что она одна, по мнению Кантемира, могла принести в России победу просвещения над невежеством, культуры над варварством. С этой точки зрения становится понятным и тот факт, что Кантемир как политический деятель восстал против попытки Голицына как представителя боярства окончательно сосредоточить в своих руках государственное влияние; с этой точки зрения поистине трогательно его самоотверженное служение принципу с забвением личных выгод и интересов. В его время русской интеллигенции еще не существовало; в его время больше чем когда-нибудь предоставление государственной власти тому или другому общественному классу, светскому или духовному, означало принесение в жертву общей пользы – пользе одного сословия.

Разве в пору, когда власть находилась в руках Голицына, успехи просвещения и благо народа были более обеспечены? Разве он не злоупотреблял государственным влиянием для личных своих целей? А Голицын был чуть ли не самым видным и просвещенным представителем боярства, которое домогалось исключительного государственного влияния. Лучший исследователь той эпохи, в которой Кантемиру пришлось сыграть самостоятельную политическую роль, Корсаков следующими словами характеризует смысл переворота, совершенного при вступлении Анны Иоанновны на престол:

«Движение, возбужденное замыслами верховников и шляхетства, ограничивалось их кругом. Слегка задевая духовенство, оно не проникало в средние и низшие слои русского народа. Эти слои, не посвященные в тайны политики, не могли быть заинтересованы вопросами о подробностях государственного устройства. Весь государственный строй земли русской выражался у них в исконном представлении о самодержавном государе. Они ничего не знали о замыслах верховников и шляхетства, а вследствие этого и были безучастны в событиях, совершившихся в Москве в начале 1730 г.».

А нужно заметить, что Корсаков относится не без симпатии к Голицыну. Но если современный защитник этого деятеля произносит над движением 1730 года такой приговор, то что же должен был думать о нем Кантемир, непосредственно видевший все происходившее и отлично понимавший скрытые причины

переворота, затеянного для удовлетворения сословных интересов? При Голицыне, т. е. в те дни, когда все государственное влияние сосредоточивалось в его руках, не было принято никаких мер для облегчения финансовых и других тягот, лежавших на народе, и в то же время приступлено было к постепенной отмене реформ, осуществленных Петром Великим. Таким образом, Кантемир видел, к чему приводят стремления старой боярской партии, носившей при нем название «шляхетской», а вместе с тем начинавшей во многом напоминать собою сословие, причинившее столько вреда соседнему государству. Итак, интеллигенции не было, даже, например, такой, какая народилась в восемнадцатом столетии во Франции и которая так сильно способствовала великому перевороту конца века. Народ коснел в полном невежестве, а шляхетство или дворяне, возмущенные теми повинностями, которые наложены были на них Петром Великим, подорвавшим родовое значение дворянства, стремились назад, к тем временам, когда царская власть была еще недостаточно сильна, чтобы противодействовать их социальному и политическому влиянию, а вместе с тем естественно преграждали путь быстрым культурным успехам и уравнению всех сословий в правах. При таких обстоятельствах Кантемир не видел другого исхода, как возможно большее упрочение поколебленной государственной власти в ожидании того времени, когда она окажется в руках более умелых.

Роль Кантемира как дипломата была сравнительно ролью второстепенной. Он не принимал непосредственного участия в решении вопросов внешней политики, а являлся только исполнителем чужих предначертаний и старался по мере сил и средств дать петербургским правителям материал, необходимый для правильного решения этих вопросов. В этом смысле, однако, надо признать, что его деятельность была весьма плодотворна. Душа его не лежала к дипломатии, особенно к дипломатии того времени, сотканной из интриг, козней, лжи, обмана, предательства и насилий. Как безусловно честная натура он сам не был способен на подобные приемы и действовал всегда прямодушно, позволяя себе разве только скрывать чужие тайны. Кроме того, он и избрал дипломатическое поприще единственно потому, что оно давало ему возможность ближе ознакомиться с европейской наукой и передать своим соотечественникам ее выводы. Но как человек умный и проницательный он прекрасно уяснил себе, быть может, лучше и полнее, чем лица, дававшие ему инструкции, стремления разных дворов и внешние интересы России. Если Кантемир не мог действовать вполне успешно, потому что лишен был самостоятельности и брезговал

пользоваться тем оружием, которое пускалось в ход другими дипломатами, то он оставил нам в своих реляциях прекрасный памятник, замечательное указание, на что должно быть направлено внимание дипломата, широко понимающего свою задачу, и в этом отношении наиболее видные дипломаты прошлого века совершенно справедливо рекомендовали донесения Кантемира всем, кто желал познакомиться со взаимными отношениями держав и составить себе ясное суждение о международном положении Европы. Хотя петербургские правители оказались очень неблагодарными по отношению к Кантемиру, но они внимательно читали его дипломатические реляции, между тем как донесения других послов сдавались в архив часто нечитанными. Таким образом, нельзя отрицать, что Кантемир имел значительное, пусть и косвенное, влияние на решение внешних вопросов в свою эпоху.

Но главную заслугу Кантемира, конечно, составляет его литературная деятельность. Мы постоянно говорили о любви Кантемира к науке. Это, само собою разумеется, надо понимать условно. Кантемир не был ученым и не занимался самостоятельной разработкою науки. Он только с необычайным рвением изучал ее для того, чтобы знакомить с нею своих соотечественников, видя в знании одно из основных условии человеческого счастья. Быть может, и его отношение к поэзии того же порядка. Чрезвычайно характерен факт, что первый русский писатель, в современном значении этого слова, нисколько не придерживался правил: наука для науки или искусство для искусства. И наука, и искусство служили в его глазах другой, высшей цели: они должны были указывать путь к человеческому счастью. Если молодой Кантемир написал свою первую сатиру в порыве лирического негодования, то он, конечно, меньше всего имел в виду быть поэтом, художником: он искал только наиболее подходящей формы для объяснения обществу того, чем болела его душа. Продолжая писать сатиры, он об искусстве ради искусства мало заботился и стремился только к тому, чтобы дать читателям верную картину пороков и недостатков общества снизу доверху, с народа до предержащих властей. Вооруженный сам образованием, чистый в своих помыслах и чувствах, наш сатирик возмущался невежеством и безнравственностью и страстно жаждал исправить тот народ, сыном которого он себя признавал. Только с этой точки зрения можно верно оценить литературную деятельность Кантемира. Его сатиры имели блестящий успех. Не будучи напечатанными, они распространялись в громадном, по тогдашнему времени, числе рукописных экземпляров. Но это нисколько не вскружило голову

молодому поэту. Он не забывает ради самостоятельного творчества исполнять и другую сторону своей благодарной литературной задачи.

Осмеивая «злонравных» людей, сатирик в то же время предлагает им средство отделаться от «злонравия». Кантемир с лихорадочной поспешностью переводит на русский язык лучшие иностранные литературные произведения, в которых показан правильный взгляд на жизнь и людей. Таким образом, он в двух направлениях ведет борьбу с невежеством и его спутниками: суеверием и нетерпимостью, равно как с дурными страстями и их неизбежным последствием – порочностью. Только в первоначальной редакции своих первых сатир у него встречаются личные выходки – и то лишь против деятелей, заслуживавших осуждения с общественной точки зрения. Но мы видим, что затем даже и в этом отношении Кантемир имеет исключительно в виду общие пороки, общие несовершенства. Слишком у него широкий взгляд, чтобы не признавать того или другого человека продуктом среды и времени. Поэтому он направляет свои сатирические стрелы против общих недостатков этой среды, но направляет их не как озлобленный человек, желающий отомстить тем, от кого он пострадал, а как товарищ, желающий исправить тех, кто ему дорог. Таким образом, Россия вполне может и в этом отношении гордиться своим первым писателем. Теперь, по прошествии не одного века со времени смерти Кантемира, его язык устарел, его литературные приемы могут нам представляться наивными, но это не изменяет сущности дела, не ослабляет его громадного значения для нашей литературы. Без всякого преувеличения можно сказать, что Кантемир поставил первые вехи, что он с необычайной силою указал фарватер, по которому русская литература будет для своей славы и чести плыть еще долго. Не лишен назидательности и в наше время факт, что в поэзии первого нашего писателя так сильно звучат гражданские мотивы, что он является в то же время родоначальником столь многими не любимой обличительной литературы. Может быть, впоследствии этот род литературы принял во многих отношениях характер уродливый, но, по существу своему, он вполне соответствует истинным потребностям нашего общества. Мы еще и теперь народ сравнительно малокультурный; подавно мы страдали недостатком культурности в прошлом веке, и поэтому вполне естественно, что мы больше, чем другие народы, склонны оглянуться на себя и бичевать себя до острой боли. В этом отношении Кантемир подал первый пример. С редким прямодушием и честностью он стал называть «льва львом, свинью

свиньей», смелою рукой отдернул завесу, скрывавшую нас от самих себя. Молодой сатирик не щадил никого, когда дело касалось благ, признаваемых им высшими, он понимал, что печати принадлежит в духовной жизни та роль, которая принадлежит в природе солнцу: печатное слово должно все освещать, чтобы нигде не могли завестись ни гниль, ни плесень. Но у Кантемира есть важное преимущество перед позднейшими, более близкими нам писателями. Кантемир зло осмеивал русское общество, но при этом хорошо знал, во имя чего он его осмеивает и куда хочет привести; идеалы его ясны, определенны и не возбуждают никаких сомнений. Всевозможное распространение знаний, пригодных для обеспечения человеческого довольства, если уж безусловного счастья нет на земле, – вот его идеал, вот для чего он работает, ради чего он борется. Гоголь не менее отрицательно отнесся к нашему обществу, он осмеял его еще злее Кантемира, – но идеал, во имя которого он осмеивал своих соотечественников, остался не только для других, но и для него самого темным. В этом отношении, быть может, в течение, приблизительно, века, прошедшего между смертью Кантемира и Гоголя, совершился регресс. Если бы все русские писатели, имеющие своим родоначальником такого просвещенного деятеля, каким был Кантемир, ратовали с его воодушевлением за всевозможное распространение знаний среди русского народа, если бы все правители относились к знанию с таким уважением, с каким относился к нему великий преобразователь, вдохновленным и верным слугою которого был наш первый сатирик, может быть, давно уже миновало бы время так называемой обличительной литературы. Но, к сожалению, уже вскоре после Кантемира началась реакция против осмысленного им идеала. Польза знаний была подвергнута сомнению, как была подвергнута сомнениям и плодотворная роль печатного слова. И к стыду нашему мы должны признать, что сами писатели нередко колебали эти идеалы. Вред, который они принесли в этом отношении, общеизвестен, но тем более мы должны быть благодарны Кантемиру, что он в то время, когда громадное значение просвещения еще не осознавалось, возвысил голос в его пользу и приложил деятельную руку к его распространению в нашем отечестве. Позднейшие успехи России в значительной степени объясняются тем, что в нашей истории был момент, когда государственная власть в лице Петра, духовенство в лице Прокоповича и только что народившаяся светская литература в лице Кантемира дружно соединились для освещения России лучами того солнца, которое мы называем европейской цивилизацией. Вечная заслуга Кантемира несомненна: он указал

русской литературе основное ее направление.

notes

Примечания

1

«Эпод утешающий» *(лат.)*. Здесь и далее простой звездочкой обозначаются примечания редакторов данного переиздания, а звездочкой со скобкой – примечания автора.

2

По примеру малоросса Прокоповича, и Кантемир в первых своих произведениях придерживался малороссийского произношения буквы *е*.

3

«Общественному благу – вся жизнь» *(лат.)*.